

Найо Марш
Убийство в частной клинике.
Смерть в овечьей шерсти (сборник)
Серия «Золотой век английского детектива»
Серия «Родерик Аллейн»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564083
Убийство в частной клинике. Смерть в овечьей шерсти: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081287-5

Аннотация

Министр внутренних дел, сэр Дерек О'Каллаган, умирает вскоре после операции. Инспектор Аллейн приходит к выводу: совершено убийство. Но кому выгодна смерть политика? Хирургу, у которого свои счеты с сэром Дерекком? Медсестре, ассистировавшей на операции? Или конкурирующей партии? Аллейн начинает расследование...

В тюке с овечьей шерстью обнаружено тело миллионерши Флоренс Рубрик. Инспектор Аллейн понимает: мотив есть у всех обитателей поместья Маунт-Мун. Но кто же убийца? Племянник, работающий над секретным проектом? Влюбленная в мужа Флоренс секретарша? Или сын управляющего поместьем, недавно обвиненный в краже? Чтобы разоблачить преступника, Аллейн задумывает рискованную комбинацию...

Содержание

Убийство в частной клинике	4
Даунинг-стрит, 10	4
Лекарство без рецепта	9
Что последовало за сценой в доме	14
После операции	21
Леди О'Каллаган настаивает	26
Старший инспектор уголовной полиции Аллейн	33
Post-Mortem [4]	40
Гиосцин	46
Три медсестры	53
Томс в операционной	62
Анестезиолог	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Найо Марш

Убийство в частной клинике.

Смерть в овечьей шерсти

Сборник

Убийство в частной клинике

Даунинг-стрит, 10

Пятница, пятое. Вторая половина дня

Министр внутренних дел с решительным видом отложил документы, которые читал, и окинул взглядом стол. Его снова, в который уже раз, поразило, с какой напыщенной торжественностью держатся остальные члены правительства. «Поистине, – подумал он, – смотримся как заседание кабинета министров в кино. Уж слишком мы правильные, чтобы быть настоящими». И словно для того, чтобы укрепить его в этой мысли, премьер-министр откинулся на спинку кресла, положил ладони на стол и кашлянул.

– Итак, джентльмены, – важно начал он, – вот к чему мы пришли.

– Сильно, – прокомментировал министр иностранных дел и, сложив на груди руки, возвел глаза к потолку.

– Решительно, – добавил лорд-канцлер. – Я бы сказал, именно решительно.

– А по-моему, – возразил министр связи, – и не слишком сильно, и не слишком решительно. – Нервным жестом, почти сделавшим его простым смертным, министр потеребил галстук и раздраженно добавил: – Черт побери, надо же что-то делать!

Возникла пауза. Министр внутренних дел шумно вздохнул.

– Итак, джентльмены, – повторил премьер-министр, – мы долго обсуждали этот вопрос, а теперь выслушали законопроект. Мы владем всеми фактами. Вкратце дело обстоит следующим образом. Нам известно о деятельности анархистов. Мы знаем, что они собой представляют. И мы в курсе, что они готовы предпринять решительные действия. Мы согласны, что значение ситуации трудно переоценить. Доклады Министерства иностранных дел, секретной разведывательной службы и департамента уголовных расследований полицейского управления вполне убедительны. Мы имеем дело с реальной угрозой, и степень опасности продолжает расти. Дело неприятное. Данный законопроект, – он сделал жест в сторону министра внутренних дел, – можно назвать решительным. Кто считает, что он чрезмерно решителен? Необходимо внести изменения?

– Нет, – отрезал министр связи. – Не нужно.

– Согласен, – кивнул Генеральный прокурор.

– Вам не приходило в голову, – спросил лорд-канцлер, взглянув через стол на министра внутренних дел, – что у вас, сэр Дерек, больше, чем у кого-либо, причин колебаться?

Все повернули к нему головы. Министр внутренних дел улынулся.

– В качестве инициатора законопроекта вы окажетесь в центре внимания, – продолжил лорд-канцлер. – Нам известно, на что способны эти люди. Слово «убийство» часто появляется в сообщениях. – Улыбка министра внутренних дел сделалась немного шире. – Пола-

гаю, можно без преувеличений сказать, что они вами сильно интересуются. Вы учитывали подобную возможность, мой друг?

– Ценю ваше замечание, – произнес министр внутренних дел. – Этот законопроект – мое детище. Я не собираюсь отказываться от своей роли в его подготовке и сумею о себе позаботиться.

– Считаю, что министра внутренних дел необходимо обеспечить должной охраной, – заметил канцлер казначейства.

– Разумеется, – с готовностью согласился премьер-министр. – Это наша обязанность перед страной. Ее ценности необходимо оберегать. А министр внутренних дел – исключительно ценный капитал.

Сэр Дерек усмехнулся:

– Могу вас заверить, что не собираюсь играть роль героя в мелодраматическом убийстве. Но и не вижу необходимости приходить в палату общин в окружении полицейских, переодетых моими личными секретарями и журналистами.

– Вчера я встречался с Родериком Аллейном из уголовного розыска, – многозначительно продолжил премьер-министр. – Мы обсуждали это дело неофициально. Он некоторое время держал всю эту публику под наблюдением. Аллейн не из тех людей, кто стал бы сгущать краски, но, по его мнению, министру, который внесет законопроект, грозит реальная опасность от их организации. Убедительно вас прошу позволить Скотленд-Ярду принять для вашей защиты все меры, какие считают необходимыми.

– Отлично, – проговорил сэр Дерек и, нервно поерзав в кресле, провел рукой по лицу. Затем устало спросил: – Я так понимаю, кабинет поддерживает законопроект?

Министры вновь принялись обсуждать предложение. При этом вели себя до странности торжественно: обменивались принятыми в палате оборотами, сопровождая их особыми, присущими лишь политикам, жестами. Могло показаться, будто эти люди настолько впитали профессиональные манеры, что разучились быть естественными. Министр внутренних дел сидел, вперив взгляд в лежащие перед ним бумаги, словно с головой погрузился в тягостные размышления.

Наконец премьер-министр поставил вопрос на голосование: считает ли кабинет целесообразным принять законопроект министра внутренних дел? Кабинет согласился.

– Хорошо, – заключил председательствующий. – На этом закончим.

Министр внутренних дел едва слышно простонал. Все повернулись к нему. Его лицо побелело, и он облокотился о стол.

– О'Каллаган, что с вами? – забеспокоился министр связи. – Вы больны?

– Все в порядке. Почувствовал боль, но она тут же прошла.

– Бренди? – предложил премьер-министр и потянулся к колокольчику.

– Воды, – прошептал сэр Дерек. – Простой воды. – Когда воду принесли, он жадно выпил ее и вытер лицо. – Теперь лучше. Прошу прощения.

В него вглядывались озабоченно и тревожно. Лорд-канцлер неуверенно топтался рядом. Остальные смотрели с беспомощностью и страхом, как на внезапно заболевшего человека.

– Должен перед вами извиниться, – произнес министр внутренних дел. – В последнее время я пару раз испытывал подобные приступы. Вероятно, аппендицит. Надо будет показаться врачу. Чертовски неприятное дело. Отношусь к подобным визитам как любой другой и хочу по возможности оттянуть до тех времен, пока не решится мой вопрос. – Он распрямился в кресле, а затем медленно встал. – Можно считать, что все согласовано?

– Да, да. Не лучше ли вам полежать? – предложил премьер-министр.

– Спасибо. Пожалуй, поеду домой. Не мог бы кто-нибудь сказать моему шоферу?

О'Каллаган повернулся к двери. Министр связи сделал жест, словно хотел взять его за руку. Сэр Дерек благодарно кивнул, но вышел самостоятельно. В вестибюле секретарь, взяв у лакея пальто министра, помог ему одеться.

– Проводить вас до машины, сэр Дерек? – спросил он.

– Не надо, дружок. Мне уже лучше. – Он попрощался с премьером и ушел один.

– Выглядит больным, – раздраженно заметил премьер-министр. – Остается надеяться, что это не серьезно.

– Было бы жутко неудобно, – поморщился министр связи и поспешно добавил: – Бедняга О'Каллаган.

В машине министр внутренних дел тоскливо по-смотрел в окно. Они свернули с Даунинг-стрит на Уайт-холл, был промозглый, ветреный вечер. Замерзшие лица прохожих, их безрадостно-тусклая, грязно-коричневая одежда не радовала взгляда. Люди шли, опустив головы под порывами ветра. В стекло машины судорожно бились мелкие капельки дождя. Сэр Дерек подумал, уж не в самом ли деле он серьезно болен? Им овладело уныние. Как бы не умереть от этих приступов, причиняющих ему такие страдания. Его смерть избавила бы анархистов и уголовный розыск от множества неприятностей. И его, кстати, тоже. Неужели ему есть какое-то дело до этого законопроекта и интриг людей, стремящихся реформировать британское правительство? Он ощущал лишь вялое безразличие и нежелание что-либо предпринимать. Видимо, он действительно болен.

На Конституишн-Хилл машина попала в пробку. Сбоку к ним приблизилось такси. Министр разглядел внутри пассажира, но больше ничего. Таксист несколько раз покосился на водителя О'Каллагана и что-то крикнул. Тот грубовато ответил. У О'Каллагана возникло ощущение, будто пассажир такси пристально смотрит в его окно. За ним следили. В последнее время у него много раз возникало это чувство. Он вспомнил тревогу премьер-министра, и стало даже забавно. Дернул за шнурок, и салон автомобиля осветила лампа. Возникла мрачная мысль: «Пусть как следует разглядят, пока я жив».

К его удивлению, салон такси тоже, словно в ответ, осветилось. Министр, загородившись от света рукой, вгляделся в проем окна. Единственным пассажиром такси оказался мужчина в смокинге. Он сидел, опираясь ладонями на рукоять трости. Слегка сдвинутая набок шелковая шляпа позволяла разглядеть четко очерченный, привлекательный профиль: интеллигентное холеное лицо с прямым носом, строгой линией рта и темными глазами. Мужчина не повернул головы, и пока сэр Дерек О'Каллаган пытался его рассмотреть, вереницы машин двинулись вперед, и такси осталось позади.

«Этого человека я знаю», – с удивлением подумал министр. Он старался вспомнить, но это требовало слишком много усилий. И министр оставил попытки. Через несколько минут шофер подъехал к его дому на Кэтрин-стрит и открыл дверцу автомобиля. Министр медленно вышел и с трудом одолел ступени. Дворецкий впустил его внутрь. Сэр Дерек еще оставался в холле, когда к нему по лестнице спустилась жена. Он молча смотрел на нее.

– Привет, Дерек, – сказала она.

– Привет, Сесиль, – произнес министр.

Женщина стояла у подножия лестницы и спокойно рассматривала его.

– Ты задержался, – заметила она.

– Разве? Да-да. Эти говоруны в парламенте все мололи и мололи. Не станешь возражать, если я не буду переодеваться? Вымотался.

– Разумеется. У нас ужинает одна только Рут.

О'Каллаган поморщился.

– Что я могу поделать, если твоя сестра иногда проявляет желание повидаться с тобой? – спокойно заметила Сесиль.

– Хорошо, хорошо, – устало отмахнулся муж.

Он неприязненно посмотрел на жену и подумал, насколько же она утомительно привлекательна. Всегда ухоженна, элегантно одета и до жути холодна. Даже их объятия покрывала леденящая патина хорошего тона. Иногда у сэра Дерекса возникало ощущение, что жена его недолгоблювает, но и он не испытывал к ней каких-либо чувств. И считал, что женился в порыве мимолетного увлечения полярными исследованиями. Детей у них не было. И к лучшему, поскольку его род был отмечен пятном душевной болезни. Себя О'Каллаган считал вполне нормальным. Иначе благодаря жене симптомы давно бы проявились, язвительно думал он. Сесиль оказалась серьезной проверкой душевного равновесия.

Она двинулась в гостиную, но на пороге задержалась и спросила:

– Боли тебя сегодня беспокоили?

– Да, – ответил министр.

– Какая досада, – рассеянно пробормотала жена и скрылась в гостиной.

Сэр Дерек несколько мгновений смотрел ей вслед, а затем пересек небольшой холл и оказался в своем кабинете – уютной комнате с хорошим камином, удобным столом и глубокими квадратными креслами. На решетке камина пылали кедровые поленья, а рядом с его любимым креслом ждал поднос со стаканами и графином с его любимым хересом. Жена все-таки следила, чтобы о нем должным образом заботились.

О'Каллаган налил себе стакан хереса и стал разбираться с дневной почтой. Все послания оказалось до невозможности скучными. С официальной корреспонденцией работал его секретарь, а эти письма, видимо, посчитал личными. Многие из них были так и помечены. Один автор просил денег, другой – повышения по службе, третий требовал информацию. Конверт с напечатанным на машинке адресом был уже открыт секретарем. В нем лежал листок с анонимной угрозой – очередное из приходивших в последнее время похожих посланий. Сэр Дерек взял в руки последнее письмо, взглянул на конверт, удивленно изогнул брови и нахмурился. Допил херес и, прежде чем распечатывать конверт и читать текст, налил еще стакан.

Письмо оказалось от Джейн Харден.

От Джейн. Нечего надеяться, что та история закончится быстро. Глупо было рассчитывать, что она его отпустит, не создав проблем. Те выходные в Корнуолле показались весьма приятными, но еще до того, как завершились, сэр Дерек понял, что приобрел себе причину для беспокойства. Черт побери – женщины не бывают честными. Разглагольствуют о том, что хотят вести собственную жизнь, набираться, как мужчины, опыта, а затем нарушают правила игры. Он снова взглянул на письмо. Джейн напоминала, что «отдалась» ему (Что за чушь? Она хотела этого не меньше, чем он!), их семьи много веков соседствовали в Дорсете, прежде чем ее отец обанкротился. От обвинения в неверности сэр Дерек вздрогнул и, будучи человеком консервативных взглядов и достаточно порядочным, ощутил неловкость. Джейн писала, что он держит ее за обычную потаскушку. Уж лучше бы она и была такой, раздраженно подумал он. Она сообщала, что собирается поступить на работу в частную клинику. Напишет ли он ей в «Клуб медицинских сестер»? До этого момента автор письма еще держала себя в руках. А затем, О'Каллаган отметил это с чувством, похожим на страх, ее пером овладели бьющие через край эмоции. Она любила его и вопрошала, что ей теперь делать. Неужели им обоим остается обо всем забыть? Джейн, как умела, боролась со своей душой, но не было ничего безнадежнее этой борьбы. Дьявол рвал ее душу на части, и если О'Каллаган ее бросит, дьявол ею овладеет. Джейн повторила, что любит его, и если он продолжит ее не замечать, она совершит нечто ужасное. Внезапным нетерпеливым жестом сэр Дерек скомкал письмо и швырнул в камин.

– Проклятие! – воскликнул он. – Проклятие!

В дверь тихонько постучали, и она открылась ровно настолько, чтобы показались большой нос, бесформенный рот, скошенный подбородок и огромная серьга.

– Проблемы в правительстве, Дерри? – прозвучал кокетливый голос. – Государственные дела?

– Заходи, Рут, – произнес сэр Дерек О'Каллаган.

Лекарство без рецепта

Пятница, пятое. Вечер

Следующую неделю министр внутренних дел придерживался обычного распорядка. Он более или менее привык к приступам боли, хотя они стали чаще и бывали мучительнее. Он обещал себе, что обратится к врачу на следующий день после того, как представит законопроект в парламент. А пока, когда боль грозила стать невыносимой, глотал по три таблетки аспирина и становился все более подавленным и угнетенным. И все реже вспоминал о письме Джейн Харден.

Сестра Рут, сама ипохондрик, постоянно навязывала ему какие-то странные пилюли, таблетки и капли. Завела привычку заходить к Дереку после обеда с пакетами из аптеки и сводящими с ума советами и соболезнованиями. В пятницу вечером он удалился к себе в кабинет, попросив жену, если появится Рут, сообщить ей, что он очень занят и его нельзя беспокоить. Жена некоторое время смотрела на него, а затем предложила:

– Велю Нэшу сказать, что нас обоих нет дома.

Министр помолчал и смущенно попытался объяснить:

– Мне с ней как-то...

– Она мне тоже надоела, – призналась жена.

– Однако, Сесиль, она чрезвычайно добра. Не лучше ли будет...

– Следовательно, ты ее примешь?

– Ни в коем случае.

– Вот и отлично, Дерек. Значит, я дам указание Нэшу. Боли тебя в последнее время тревожили?

– Еще как. Спасибо, что интересуешься.

– Поэтому ты такой раздражительный. Глупо с твоей стороны не показаться врачу.

– Я же тебе говорил, что пойду к Джону Филиппсу, как только пройдет мой законопроект.

– Решать, конечно, тебе. Сказать Нэшу, чтобы подал кофе тебе в кабинет?

– Да, пожалуйста.

– Хорошо. – Она так отчужденно произнесла это «хорошо», словно хотела показать, насколько ей было скучно слушать все, что он говорил. – Спокойной ночи, Дерек. Я лягу рано и тебя не потревожу.

– Спокойной ночи, Сесиль.

Она шагнула к нему. По неловкости его поцелуй пришелся не в щеку, а в губы. У Дерекда даже возникла мысль, что надо бы извиниться, но он лишь повторил «Спокойной ночи» и отправился в кабинет.

Там его ждал секретарь Рональд Джеймсон. Он только что окончил Оксфорд, был энергичным молодым человеком, но не из тех, кто чересчур усердствует. Работал хорошо и отличался смышленностью. О'Каллаган считал его вполне сносным секретарем и даже располагающим к себе человеком. Но нынешним вечером вид Джеймсона вызвал в нем раздражение и поверг в уныние.

– Что вам, Рональд? – Сэр Дерек опустился в кресло и потянулся за сигарой.

– Звонил сэр Джон Филиппс. Он хотел бы, если вы свободны, зайти к вам сегодня вечером.

– Филиппс? Ему кто-нибудь говорил обо мне? Что ему надо? Это профессиональный визит?

- Не думаю, сэр. Сэр Джон не упоминал о вашем... нездоровье.
- Позвоните ему и скажите, что я с удовольствием приму его. Что-нибудь еще?
- Эти письма... пришло еще одно с угрозой. Позвольте, сэр, я позвоню в Скотленд-Ярд.
- Нет. Это все?
- Было всего одно письмо с пометкой «личное», я положил его на стол.
- Будьте добры, подайте мне.

Джеймсон принес письмо, О'Каллаган посмотрел на конверт, и у него возникло ощущение, словно он проваливается вниз в кабине лифта. Письмо было от Джейн Харден. Он уронил руку с зажатым между пальцами конвертом и остался сидеть, глядя на огонь, с незажженной сигарой во рту. Рональд Джеймсон застыл в неловком ожидании. Наконец, достав зажигалку, поднес ее к сигаре О'Каллагана.

- Благодарю вас, – рассеянно проговорил тот.
- Что-нибудь еще?
- Нет, спасибо.

Джеймсон немного поколебался, беспокойно глядя на побелевшее лицо своего работодателя, затем, вспомнив, что Джон Филиппс ждет ответа, вышел.

После того как дверь за секретарем закрылась, О'Каллаган сидел, глядя в камин. Затем с невероятным усилием заставил себя прочитать письмо. На сей раз Джейн Харден не умоляла, а горько и яростно обвиняла. Писала, что она на грани самоубийства. Добавляла, что если бы представилась возможность, то не задумываясь убила бы его.

«Не попадайтесь мне на пути. Предупреждаю ради себя, а не ради вас.
Я серьезно. От таких мужчин, как вы, Дерек, лучше держаться подальше.
Это мое последнее слово.
Джейн Харден».

О'Каллаган представил, как это письмо появляется на страницах бульварной газеты. Затем с удивлением услышал, что жена за дверью говорит с его секретарем. Что-то в ее голосе привлекло его внимание, и он прислушался.

- ...его что-то тревожит.
- Я тоже так считаю, леди О'Каллаган, – тихо произнес Рональд.
- ...в чем дело... из-за каких-нибудь писем?
- Сегодня показался особенно расстроенным... Конечно, этот законопроект...

Сэр Дерек встал, пересек комнату и распахнул дверь. Сесиль и Рональд Джеймсон с заговорщическим видом смотрели друг на друга. Когда дверь открылась, они повернулись к нему. Секретарь покраснел и быстро перевел взгляд от мужа к жене, а Сесиль все так же спокойно продолжала смотреть на него. О'Каллаган почувствовал, что его от злости начинает колотить дрожь.

– До сих пор, – сказал он Джеймсону, – у меня не было оснований полагать, что вы не понимаете конфиденциального характера своей работы. Очевидно, я ошибся.

- Прошу прощения, сэр Дерек... это произошло, потому что...
- Вы не вправе ни с кем обсуждать мои дела. Ни с кем! Ясно?
- Да, сэр.

– Не будь смешным, Дерек, – произнесла Сесиль. – Я задала мистеру Джеймсону вопрос, и он не мог на него не ответить. Мы оба беспокоимся о тебе.

О'Каллаган дернул головой, давая понять секретарю, чтобы тот ушел. Поклон Джеймсона получился каким-то жалким. Он направился в свою комнату, задержался на пороге и, снова пробормотав извинения, скрылся.

– Послушай, Дерек, – проговорила леди О'Каллаган. – Мне кажется, ты ведешь себя неразумно. Я только спросила этого несчастного молодого человека, не получал ли ты каких-

нибудь писем, которые могли бы стать причиной твоего необъяснимого поведения. И он ответил, что с сегодняшней почтой пришло некое письмо, и оно, видимо, тебя расстроило. Что за письмо, Дерек? Новая угроза тех типов – анархистов?

Министр был не настолько зол, чтобы не уловить новые нотки в голосе жены.

– Подобные угрозы – неслыханная наглость, – поспешно продолжила она. – Не понимаю, почему ты не разберешься с этими людьми.

– Письмо не имеет к ним никакого отношения, а мое, как ты выразилась, «необъяснимое поведение» никак не связано с этим письмом. Я нездоров и встревожен своим состоянием. Может, тебя обрадует, если я скажу, что сегодня вечером ко мне придет Джон Филиппс?

– Рада слышать.

Прозвенел дверной звонок, и супруги недоуменно переглянулись.

– Рут? – недовольно прошептала леди О'Каллаган.

– Меня нет, – быстро проговорил Дерек, почувствовав, что больше не сердится на жену. – Тебе тоже лучше скрыться, Сесиль.

Она быстро направилась к его кабинету, и муж по-следовал за ней. Снизу донесся звук – Нэш открывал дверь.

– Сэра Дерек и супруги нет дома, мадам.

– Однако свет в кабинете горит.

Супруги обменялись испуганными взглядами.

– Вероятно, там мистер Джеймсон.

– Именно его я и хотела повидать.

Нэш растерянно пробормотал что-то. Затем они услышали стук, с которым зонт мисс Рут О'Каллаган занял свое место в стойке. Не сговариваясь, супруги подошли к камину, и леди О'Каллаган закурила.

Открылась дверь, и появилась Рут. За ней мелькнуло страдающее лицо Нэша.

– Вот вы где, дорогие. А Нэш сказал, что вы ушли.

– Нас только «нет дома», дорогая, – объяснила Сесиль. – Дерек ждет врача. Нэш сглотнул, не сообразив, что вас это не касается.

– Ах вот как! – воскликнула Рут. – Нет, Дерри, дорогуша, тебе таким способом не избавиться от своей старушки сестры. Я пришла специально к тебе, и сильно рассержусь и жутко обижусь, если ты не исполнишь мою просьбу.

Она порылась в бездонной сумке и извлекла из ее глубин знакомый запечатанный белый пакет.

– Рут, я не могу глотать любое лекарство, которое попадает тебе на глаза!

– А я и не жду, что ты меня послушаешься. Понимаю, ты считаешь, что твоя старушка сестра выжила из ума. Но она знает, что полезно ее большому знаменитому брату. Сесиль, вас он послушается. Убедите его принять один малюсенький порошок. Они просто замечательные. Вот, прочитайте письма...

Нетерпеливыми, неловкими пальцами она распаковала пакет, где лежала круглая зеленая коробочка, украшенная изображением обнаженного мужчины, перед которым было нарисовано нечто напоминающее разряд электрического тока.

– Порошков всего шесть, – возбужденно продолжила Рут. – Но уже после первого отмечается заметное улучшение. «Живительные вольты». Пришли сот-ни писем от терапевтов, хирургов, политиков – да-да, Дерри, от многих политиков. Они буквально молятся на эти порошки. Не поверишь: у них были абсолютно те же симптомы, что у тебя.

Ее напористость вызывала жалость. И вся она, со своими толстыми руками, водянистыми глазами и огромным носом, казалась неуклюжей и неукротимо пылкой.

– Рут, ты же не знаешь, какие у меня симптомы!

– Еще как знаю. Сильные схватки в животе. Сесиль, прочитайте все, что здесь написано.

Леди О'Каллаган взяла коробочку и посмотрела на капсулу с лекарством.

– Дам ему сегодня на ночь, – пообещала она, словно потакая раскапризничавшемуся ребенку.

– Супер! – Рут имела привычку вворачивать в свою речь жаргонные словечки. – Рада до ужаса. Утром все твои боли исчезнут. – Лучезарно улыбнувшись, она сделала рукой неопределенный жест.

– А теперь, моя старая девочка, боюсь, что улетучиться придется тебе. – Сэр Дерек тщетно пытался подстроиться под ее легкомысленный тон, изображая братскую игривость. – Кажется, я слышу, что ко мне явился Филиппс.

– Пойдемте, Рут, – предложила Сесиль. – Нам пора удалиться. Спокойной ночи, Дерек.

Рут приложила к губам шишковатый палец и притворно жеманно на цыпочках направилась к двери, но на пороге повернулась и послала брату воздушный поцелуй. Дерек услышал, как они поздоровались с сэром Джоном Филиппсом и стали подниматься по лестнице. Обрадовавшись, что избавился от сестры, О'Каллаган с удовольствием предвкушал дружескую встречу со своим старинным приятелем. Вот уж поистине будет настоящим облегчением рассказать ему, каким больным себя чувствует, и выслушать, насколько он действительно болен. Может, Филиппс даст ему какое-нибудь лекарство, которое хоть на время поможет. Ему уже стало немного лучше. Его болезнь скорее всего пустяк. Филиппс во всем разберется. В приятном ожидании сэр Дерек повернулся к двери. Створки распахнулись, и появился Нэш.

– Сэр Джон Филиппс, сэр.

Врач вошел. Высокий мужчина, он привычно горбился. С тяжелыми веками глаза необыкновенного светло-серого цвета были пронзительно блестящими. Никто не видел его без монокля, и ходил слух, будто и во время операций он держится у него в глазу без шнурка. Нос походил на клюв, а нижняя губа хищно выпячивалась вперед. Он был не женат и никем не увлечен, поэтому поговаривали, что все пациентки в него влюблялись. Видимо, медики уступали лишь актерам в выигрыше от того, что обладали тем странным качеством, которое зовется индивидуальностью. Сэр Джон Филиппс был личностью. И его резкость очаровывала не меньше известности, которую он заработал благодаря своим блестящим способностям.

О'Каллаган шагнул к нему и протянул руку:

– Филиппс, рад вас видеть!

Врач сделал вид, будто не заметил его руки, и неподвижно стоял, пока за Нэшем не закрылась дверь. И только тогда заговорил:

– Ваша радость уменьшится, когда узнаете, с чем я явился.

– Не понимаю. О чем вы говорите?

– Я с трудом могу поверить, что вообще говорю с вами.

– Что, черт возьми, вы имеете в виду?

– Именно то, что сказал. Я обнаружил, что вы мерзавец, и пришел заявить вам об этом.

Несколько мгновений О'Каллаган молча смотрел на него, а затем произнес:

– Вы серьезно? Вы пришли только для того, чтобы меня оскорбить, и тут же уйдете? Или я имею право получить объяснения?

– Вот вам объяснения, всего в двух словах: Джейн Харден.

Наступило долгое молчание, мужчины обжигали друг друга взглядами. Наконец О'Каллаган отвернулся. На лице появилось упрямое, обиженное выражение, и на него стало смешно и неприятно смотреть.

– А что такого с Джейн Харден? – спросил он.

– А то, что она медсестра в моей больнице. И долгое время ее счастье очень много для меня значило. Я просил ее руки. Она много раз мне отказывала. Сего-дня объяснила почему. Вы, судя по всему, воспользовались дружбой с ее отцом и их нынешним бедственным финансовым положением. Разыграли роль старого друга семьи и одновременно дамского угодника.

– Не представляю, о чем вы.

– Не лгите, О’Каллаган!

– Послушайте...

– Мне известны факты.

– Что за историю вам про меня наплели?

– Таковую, что я кинулся сюда в ярости, какой прежде не испытывал. Я знаю все, что касается... вашей дружбы с ней. Вы, как я вижу, забавлялись. Терпеть не могу преувеличений, но полагаю, не будет преувеличением утверждать, что вы искалечили Джейн жизнь.

– Сентиментальная болтовня! – О’Каллагану не хватало воздуха. – Она современная женщина, и ей лучше знать, как проводить время.

– Чушь! – Филиппс побелел как мел, но продолжил ровным тоном: – Если под словами «современная женщина» вы понимаете «распущенная женщина», то должны сознавать, что это просто ложь. В ее жизни это единственный эпизод подобного рода. Она в вас влюбилась, а вы дали ей повод подумать, что отвечаете взаимностью.

– Ничего подобного! У меня не было никаких оснований считать, что она придает тому, что произошло, большее значение, чем я. Вы говорите, она в меня влюбилась? Если это так, я глубоко сожалею. Однако не думаю, что это правда. Чего она хочет? – О’Каллаган запнулся, на лице появилось испуганное выражение. – Она же не беременна?

– О нет. И у нее нет к вам претензий. Юридических претензий. А что такое моральные обязательства, это вам неизвестно.

– Я послал ей триста фунтов. Что еще ей надо?

– Я еле сдерживаюсь, чтобы не ударить вас, О’Каллаган. Поэтому будет лучше, если я уйду.

– Проваливайте. Чем вы недовольны? Не горите желанием на ней жениться? Существует другой выход. Дело нетрудное – у меня все получилось очень легко.

– Свинья! – взревел Джон Филиппс. – Боже... – Он осекся, его губы дрожали, но он взял себя в руки и заговорил спокойнее: – Держитесь от меня подальше. Предупреждаю: если представится возможность, я без колебания вас раздавлю.

Что-то в лице О’Каллагана заставило его прервать угрозы. Министр внутренних дел смотрел поверх него на дверь.

– Извините, сэр, – тихо проговорил Нэш и пересек комнату с подносом, на котором стояли бокалы и графин. Бесшумно поставив поднос, он сделал шаг к двери. – Будут еще приказания?

– Сэр Джон Филиппс нас покидает. Проводите его.

– Слушаюсь, сэр.

Врач круто повернулся и молча вышел из комнаты.

– Доброй ночи, Нэш, – произнес О’Каллаган.

– Доброй ночи, сэр, – тихо ответил дворецкий и, последовав за Филиппсом, закрыл за собой дверь.

Министр резко вскрикнул от боли, спотыкаясь, подошел к креслу и, опершись на подлокотник, согнулся пополам. Минуту или две он не мог пошевелиться, затем сел и налил себе виски. Его взгляд упал на порошки, которые принесла Рут. Дрожащей рукой он высыпал один из них в виски и проглотил вместе со спиртным.

Что последовало за сценой в доме

Четверг, одиннадцатое. После полудня

Министр внутренних дел немного помедлил и обвел взглядом зал. Море жутких, расплывающихся лиц. Они играли с ним все ту же шутку: сливались, как клетки под микроскопом, — затем одно из лиц выделялось, становилось четким и глядело на него. «Я осилю, — подумал он. — Всего один параграф». И поднял лист. Текст свивался и скручивался, словно в водовороте. О'Каллаган услышал собственный голос. Он, должно быть, выступал.

— В свете беспрецедентной пропаганды...

Они слишком шумят.

— Господин председатель...

Он поднял голову. А вот этого делать не следовало. Море лиц дрогнуло и быстро-быстро завертелось. Слабый голос, наверное, где-то на самой галерке произнес:

— Ему плохо...

Он не почувствовал, как повалился на стоящий перед ним стол. Не услышал выкрика с задних скамей: «Тебя сейчас так прихватит, что и думать забудешь про свой проклятый закон!»

— Кто его врач?

— Доктор Джон Филиппс. Они старинные приятели.

— Филиппс? Тот, что владеет частной клиникой на Брук-стрит?

— Понятия не имею.

— Надо позвонить леди О'Каллаган.

— Если хотите, я позвоню. Я с ней знаком.

— Он приходит в себя?

— Нет. Тилотли пошел вызывать «Скорую помощь».

— Тилотли здесь. Вы вызвали «Скорую помощь»?

— Врачи едут. Куда вы собираетесь его отправить?

— Кутберт позвонит его жене.

— Господи, он выглядит совсем плохо.

— Вы слышали, как тот тип крикнул с задних рядов?

— Да. Кто он такой?

— Не знаю. Послушайте, вы считаете, в этом есть нечто подозрительное?

— Вздор!

— Здесь доктор Уэндовер. Я и не знал, что он в парламенте.

Все отступили от О'Каллагана. Сквозь толпу протиснулся коренастый мужчина небольшого роста — коммунист от севера Англии — и опустился на колени.

— Откройте, пожалуйста, окна, — попросил он и расстегнул на О'Каллагане одежду.

Публика благоговейно следила за его действиями. Через пару минут врач обвел взглядом сгрудившихся вокруг него людей.

— Кто его лечащий врач? — спросил он.

— Кутберт считает, что сэр Джон Филиппс.

— Филиппс хирург. А это как раз случай для хирурга.

— В чем дело, доктор Уэндовер?

— Похоже на острый аппендицит. Нельзя терять времени. Необходимо позвонить в частную клинику на Брук-стрит. Жену ждать не будем.

Кто-то крикнул от двери:

– Приехали врачи «Скорой помощи».

– Отлично. Больной здесь.

Появились двое мужчин с носилками. Министра погрузили на них, накрыли и вынесли из палаты. Вбежал Кутберт и произнес:

– Точно, это Филиппс. Жена О'Каллагана хочет, чтобы мужа доставили в его клинику.

– Его туда и повезут, – отозвался доктор Уэндовер и удалился вслед за врачами «Скорой помощи».

О'Каллаган пытался прийти в себя и немного успокоиться. Поблизости возникло лицо жены, затем растворилось. Рядом раздавались стоны. Кто-то лежал с ним в кровати и стонал.

– Боль совсем нестерпима? – прозвучал голос.

– Да.

– Врач скоро придет и что-нибудь даст, чтобы снять боль.

О'Каллаган сообразил, что стонавшим человеком был он сам. Лицо Сесиль приблизилось.

– Доктор идет, Дерек.

Он закрыл глаза, давая понять, что расслышал.

– Бедолага Дерри, несчастный старина.

– Я оставлю вас с ним на минуту, леди О'Каллаган. Если что-нибудь потребуется, позвоните. Мне кажется, я слышу голос сэра Джона. – И дверь закрылась.

– Боль очень сильная, – четко проговорил О'Каллаган.

Две женщины переглянулись. Леди О'Каллаган пододвинула стул к кровати и села.

– Ждать недолго, Дерек, – сдержанно сказала она. – Дело в твоём аппендиксе.

– Ох!

Рут что-то прошептала.

– Что говорит Рут?

– Не имеет значения. Это всего-навсего старая глупая Рут.

О'Каллаган что-то пробормотал, закрыл глаза и как будто уснул.

– Сесиль, дорогая, я знаю, вам мои фантазии кажутся смешными, но все-таки послушайте. Как только я узнала о Дерри, сразу направилась к Гарольду Сейджу. Это тот замечательный молодой фармацевт, о котором я вам рассказывала. Я объяснила, в чем дело, и он дал мне средство, которое, по его словам, немедленно снимет боль и не причинит никакого вреда. Его собственное изобретение. Пройдет несколько месяцев, и его станут применять во всех больницах.

Рут принялась рыться в сумке.

– Предложите, если вам угодно, сэру Джону, – посоветовала Сесиль. – Без его квалифицированного разрешения предпринимать ничего нельзя.

– Доктора такие твердолобые, уж мне ли этого не знать. Гарольд мне такое рассказал...

– Вы как будто крепко подружились с этим молодым человеком.

– Он меня чрезвычайно заинтересовал, Сесиль.

– Вот как?

Вернулась медсестра.

– Леди О'Каллаган, сэр Джон зовет вас на минуту.

– Спасибо, иду.

Оставшись наедине с братом, Рут тихонько похлопала его по руке. Сэр Дерек открыл глаза.

– Боже, Рут, как мне больно.

– Потерпи немного, Дерри. Сейчас я тебе помогу.

Она отыскала маленький пакетик, а графин с водой оказался рядом.

Прошло несколько минут, и в палату в сопровождении сестры вошел Филиппс.

– Сэр Джон намерен провести осмотр, – спокойно объяснила медсестра Грэм. – Не присоединитесь ли вы на несколько минут к леди О’Каллаган?

– Это не займет много времени, – добавил врач и открыл дверь.

Рут бросила на брата смущенный, виноватый взгляд, поднялась и, неуклюже ступая, вышла в коридор.

О’Каллаган снова потерял сознание. Сестра Грэм обнажила его живот, и Филиппс прился своими длинными пальцами надавливать на него в разных местах.

– Довольно, – внезапно произнес он. – Похоже на перитонит. Он в плохом состоянии. Я предупредил, что нам может потребоваться операция.

Медсестра накрыла больного и по кивку хирурга привела ожидавших за дверью женщин. Как только они оказались в палате, Филиппс повернулся к леди О’Каллаган и сказал, не глядя на нее:

– Операцию будем проводить немедленно. Вы позволите мне связаться с Сомерсетом Блэком?

– А вы сами, сэр Джон? Разве вы не сделаете ее сами?

Филиппс подошел к окну и выглянул на улицу.

– Вы хотите, чтобы оперировал я?

– Разумеется. Мне известно, что некоторые хирурги не любят оперировать друзей, но если у вас нет такого предчувствия, я прошу вас оперировать.

– Хорошо.

Филиппс вернулся к больному.

– Сестра, – позвал он, – скажите, чтобы нашли доктора Томса. Его предупреждали, что может потребоваться срочная операция. Позвоните доктору Грею и позаботьтесь об анестезии. Позже я поговорю с ним. Передайте старшей сестре в операционной, что я приступлю к операции, как только у них все будет готово. А теперь, леди О’Каллаган, если вы не против покинуть больного, медсестра покажет вам, где можно подождать.

Медсестра открыла дверь, и все отошли от кровати, но на пороге застыли от сдавленного крика и обернулись. Дерек О’Каллаган открыл глаза и, словно загипнотизированный, смотрел на Филиппса.

– Нет, – выдавил он. – Не позволяйте...

Его губы задергались, с них слетел странный, жалобный звук. Секунду или две он старался что-то выговорить, затем его голова откинулась назад.

– Пойдемте, леди О’Каллаган, – мягко промолвила медсестра. – Он не понимает, что говорит.

В предоперационной старшая медсестра с двумя младшими хирургическими сестрами готовились к операции.

– Не забудьте, – поучала старшая медсестра Мэриголд, которая являлась также сестрой-хозяйкой, – сэр Джон любит, чтобы инструменты лежали на лотке слева от него. Он не терпит, чтобы их ему подавали.

Она накрыла лоток с инструментами, и Джейн Харден унесла его в операционную.

– В подобных случаях, как этот, – продолжила старшая сестра, – на хирурге лежит огромная ответственность. Для страны было бы огромной катастрофой, если бы с сэром Дерекком О’Каллаганом что-нибудь случилось. По-моему, он единственный решительный в правительстве человек.

Сестра Бэнкс, женщина старше своей начальницы, повернулась от автоклава, где стерилизовались инструменты.

– Тиран, каких свет не видывал, – неожиданно заявила она.

– Сестра, что вы такое говорите? – удивилась Мэриголд.

– Мое понимание политики не совпадает с пониманием сэра Дерек О’Каллагана, и я не возражаю, если об этом будут знать другие.

Из операционной вернулась Джейн Харден. Мэриголд бросила на сестру Бэнкс возмущенный взгляд и обратилась к Джейн:

– Сестра, вы позаботились о растворе гиосцина и ампуле с антитоксином газовой гангрены?

– Да, старшая сестра.

– Господи, деточка, вы совершенно побелели. Вы в порядке? – спросила Мэриголд Харден.

– Вполне. Спасибо, – ответила Джейн. Она занималась с банками со стерильным перевязочным материалом.

Старшая сестра бросила на нее взгляд и снова напустилась на Бэнкс:

– Всем известно, сестра, что вы та еще бунтарка. Но, сталкиваясь с истинным величием, невозможно его отрицать. Для меня сэр Дерек воплощает идею человека.

– Вот поэтому он личность тем более зловещая, – объявила сестра Бэнкс с неприкрытой враждебностью. – Попав в правительство, он совершал много плохого. Вспомните прошлогодний закон о непостоянном трудоустройстве. На нем лежит ответственность за все смерти, случившиеся в последние десять месяцев от недоедания. Он враг рабочих. Была бы моя воля, его бы судили как обыкновенного убийцу или маньяка. Этого человека следует признать невменяемым. В его жилах течет гнилая кровь. Всем известно, что его отец был со сдвигом. Вот что я думаю о вашем Дерек О’Каллагане, купившем себе титул на кровавые деньги. – Сестра Бэнкс с грохотом расставляла лотки со стерильными инструментами.

– Тогда ответьте, – голос сестры Мэриголд звучал нарочито спокойно, – с какой стати вы работаете на сэра Джона Филиппса? Может, он тоже купил себе титул на кровавые деньги?

– Пока существует эта прогнившая система, приходится в ней жить, – усмехнулась Бэнкс. – Но так будет не вечно. И когда настанет время, я первая заявлю о себе. О’Каллагану придется уйти, а вместе с ним всем кровососам из буржуазной партии. Людям стало бы намного лучше, если бы он исчез прямо сейчас. Вот так-то, старшая сестра.

– Было бы еще лучше, если бы исчезли вы. Будь у меня свободная хирургическая сестра, я бы обошлась без вас. Стыдитесь! Говорить подобное о больном! О чем вы только думаете?

– Кровь кипит – ничего не могу с собой поделать.

– Уж слишком много в ваших речах крови!

Всем своим видом показывая, что хоть и вынуждена умолкнуть, но отнюдь не побеждена, сестра Бэнкс взялась за столик со шприцами для инъекций и покатила в операционную.

– Говорю вам, сестра Харден, – сказала Мэриголд, глядя ей вслед, – мне стыдно за эту женщину. Какая мстительность! Ей здесь не место! Еще, чего доброго... – Старшая сестра замолчала, не в состоянии произнести вслух то, что пришло ей в голову.

– Нет, – возразила Джейн. – Скорее уж я могла бы ему как-нибудь навредить, чем она.

– Совершенно исключено, – смягчаясь, заявила старшая сестра. – Вы, Харден, лучшая ассистентка в операционной. Это весомый комплимент, моя дорогая, поскольку я человек очень придирчивый. У нас все готово? А вот и врачи.

Джейн сложила руки за спиной и застыла по стойке «смирно». Сестра Мэриголд излучала спокойствие знающего свое дело человека. Сестра Бэнкс на мгновение мелькнула на пороге и снова скрылась в операционной.

Сэр Джон Филиппс вошел в сопровождении Томса, своего ассистента, и анестезиолога. Томс был полным, краснолицым, не в меру оживленным человеком. Доктор Робертс,

наоборот, худощавым, с льняными волосами и пренебрежительными манерами. Он снял очки и протер стекла.

– Все готово, старшая сестра? – спросил хирург.

– Да, сэр Джон.

– Доктор Робертс займется анестезией. Доктор Грей занят. Нам повезло, Робертс, что мы получили вас так быстро.

– Рад помочь, – ответил тот. – В последнее время я часто выполнял работу Грея. Для меня большая честь и полезный опыт работать под вашим руководством, сэр Джон.

Он говорил с подчеркнутой официальнойностью, словно продумывал каждую фразу и только затем выкладывал собеседнику.

– Прежде чем начать, мне хотелось бы взглянуть на наркозную палату.

– Разумеется.

Вновь появилась кипящая злобой Бэнкс.

– Сестра Бэнкс, – приказала ей Мэриголд, – отправляйтесь с доктором Робертсом в наркозную палату.

Робертс взглянул, прищурившись, на Бэнкс и по-следовал за ней.

Сэр Джон вошел в операционную и приблизился к небольшому, выкрашенному белой эмалью столу, на котором лежали разнообразные средства для гиподермальных инъекций. Три шприца находились в лотке со стерильной жидкостью. Два из них были такого размера, к которому привыкли не посвященные в хирургию люди. Третий же был настолько велик, что могло показаться, будто им пользуются в ветеринарии, а отнюдь не для человеческих нужд. Маленькие содержали по двадцать пять минимов, большой – раз в шесть больше. Ампула, бутыль, небольшая колба, мензурка – эти предметы тоже находились на столе. Бутыль была помечена: «0,25-процентный раствор гиосцина. Пять минимов содержат одну тысячную грана». На ампуле стояла надпись: «Антитоксин газовой гангрены (концентрированный)». В колбочке содержалась стерильная вода.

Филиппс достал из кармана маленькую коробочку и вынул из нее крошечную пробирку с надписью «Гиосцин 1/100 гр.». Наклейка полностью скрывала то, что находилось в пробирке. Хирург откупорил пробку, тщательно исследовал внутренность, положил и взял из коробочки другую с такой же надписью. Пальцы действовали неуверенно, словно мысли врача витали где-то далеко. Наконец он наполнил маленький шприц стерильной жидкостью, вылил в мензурку, добавил туда же гиосцин и, размешав иглой, набрал раствор.

В операционную вошел Томс.

– Пора мыться, сэр. – Он взглянул на стол. – Э, да вы собираетесь его здорово попотчевать. Сразу две пробирки!

– Одна оказалась пустой. – Филиппс убрал их со стола и вернул в коробочку.

Томс посмотрел на шприц.

– Вы набрали много воды, сэр, – заметил он.

– Да.

Хирург взял шприц и направился в наркозную палату, а Томс с выражением отрешенности, которое люди напускают на себя, если хотят притвориться, будто не замечают пренебрежительного к себе отношения, застыл, глядя на стол. Через несколько минут он присоединился к остальным в предоперационной. Филиппс уже вышел туда из наркозной палаты.

Сестры Харден и Мэриголд помогли хирургам перевоплотиться в образчики стерилизованных механизмов. Вскоре помещение представляло собой строгое сочетание белого, стального и резиново-коричневого. Есть нечто отталкивающее и одновременно прекрасное в абсолютно белом. Отрицание цвета, выражение холодного равнодушия, символ смерти. В белом меньше чувственной радости, чем в любом другом цвете, и больше напоминания о вечном упокоении. Хирург в белом одеянии, прячущий теплоту рук под холодной блестя-

щей резиной и жизненную энергию волос под белой шапочкой, скорее типаж в современной скульптуре, нежели человеческое существо. Для непосвященного он некто вроде перенесенного на небеса праведника, жрец в священных одеждах, пугающая и завораживающая фигура.

– Видели новое представление в «Палладиуме»? – спросил Томс. – Черт, порвал перчатки. Сестра, дайте другие.

– Нет, – ответил Джон Филиппс.

– Одноактная пьеса. Дело происходит в помещении перед операционной. Известному хирургу предстоит оперировать человека, который разрушил его жизнь и соблазнил жену. Вопрос: погрузит ли он скальпель в больного? Вот такая страшилка. По-моему, чушь.

Филиппс медленно повернулся и пристально по-смотрел на него. Джейн сдавленно вскрикнула.

– В чем дело, Джейн? – спросил Томс. – Вы ее видели? Слушайте, я дождусь перчаток?

– Не видела, сэр, – пробормотала медсестра.

– Играют неплохо, хотя по поводу наших профессиональных дел их следовало бы просветить. А вот ситуация исключительно надуманная. Что ж, надо приниматься за дело... – Не переставая болтать, он пошел в операционную и через минуту-другую позвал туда старшую сестру.

– Джейн! – Хирург посмотрел на девушку.

– Что?

– Это очень... очень сомнительное дело.

– Возможно, возмездие, – отозвалась сестра Харден.

– Что вы хотите сказать?

– О, ничего, – грустно произнесла она. – Похоже на греческую трагедию «Судьба отдает в наши руки врага». Хотя мистер Томс решил бы, что ситуация надуманна.

Филиппс медленно мыл руки в тазике со стерильной водой.

– Я ничего не знал о его болезни. Простая случайность, что я оказался здесь в этот час. Только-только вернулся из больницы Святого Иуды. Пытался отвертеться от операции, но его жена настояла. Она понятия не имеет, что мы поссорились.

– Тем более вряд ли ей известно, почему вы поссорились.

– Я все бы отдал, чтобы меня тут не было.

– И я тоже. Как вам кажется, какие я испытываю чувства?

Хирург стряхнул воду с перчаток и, держа руки перед собой, повернулся к Джейн. В это время он являл собой гротескную и где-то даже трогательную фигуру.

– Джейн, – прошептал он, – вы не передумали? Я так вас люблю.

– Нет, – ответила она. – Он мне омерзителен, я не желаю больше его видеть, но до тех пор, пока он жив, не могу выйти за вас замуж.

– Я вас не понимаю, – тяжело вздохнул хирург.

– Я сама себя не понимаю. Где уж вам меня понять?

– Я не остановлюсь – буду снова и снова просить вашей руки.

– Это ни к чему не приведет. Сознаю, я веду себя странно, но пока он здесь, я его заложница.

– Безумие! После того, как он с вами так поступил – он же вас отверг...

Джейн хрипло рассмеялась.

– О да! Все в соответствии с викторианской традицией. Я «опороченная девушка».

– Так продолжайте придерживаться викторианской традиции и позвольте мне сделать из вас «честную женщину».

– Постараюсь вести себя с вами как честная женщина. Объяснить то, что необъяснимо и унижительно. Я сказала ему, что хочу вести собственную жизнь – набираться опыта. Я

обманывала себя, так же как и его, а в глубине души сознавала, что всего лишь дурочка, потерявшая голову вместе с сердцем. После того как все произошло, я поняла, как мало значения придает случившемуся он и как много – я. Надо было поддержать игру: пожать друг другу руки и расстаться друзьями – в общем, продолжать жить. И... не смогла. Гордость твердила, что необходимо пересилить себя. А я не сумела. Отвратительная банальность. Я его одновременно любила и ненавидела. Хотела удержать, хотя сознавала, что на это нет ни единого шанса, и жаждала причинить ему боль. Написала и так все ему и выложила. Кошмар продолжается до сих пор. Прошу вас, не заставляйте меня больше говорить на эту тему. Оставьте меня и позвольте, как умею, справляться самой со своей ситуацией.

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Нет. Осторожно, кто-то идет!

Вошли Томс и Робертс и стали мыть руки. Затем Робертс ушел давать больному наркоз. Филиппс встал и посмотрел на своего ассистента.

– Так чем закончилась пьеса? – неожиданно спросил он.

– Что? Ах да... Возвращаемся к прежнему разговору. Неопределенностью. Зритель так и остается в неведении: то ли больной умер от наркоза, то ли его прикончил хирург. Ситуация такова, что никто не может сказать определенно. Хотите проделать то же самое с министром внутренних дел, сэр? А я считал, что вы приятели.

Маска на лице хирурга съехала, словно он улыбнулся.

– А что? Может возникнуть соблазн.

Сзади послышался шум. Филиппс обернулся и увидел, что от дверей операционной на него пристально смотрит сестра Бэнкс. За ее спиной появилась Мэриголд.

– Позвольте, – холодно произнесла она и прошла мимо.

– Вот что, старшая сестра, – отрывисто проговорил Филиппс. – Я сделал, как обычно, укол гиосцина. Но если, как предполагаю, мы обнаружим развившийся перитонит, нам... мне придется ввести сыворотку крови.

– Разумеется, я не забыла про гиосцин, сэр Джон. Раствор готов, но я заметила, вы приготовили соб-ственную инъекцию.

– Нам не потребуется ваш раствор. Я пользуюсь своими таблетками, чтобы не ошибиться в дозе. У нас все готово?

Хирург вошел в операционную.

– А я считаю, – с недовольным видом заметила Мэриголд, – что готовый раствор подходит большин-ству больных.

– Береженого, как говорится, Бог бережет, – усмехнулся доктор Томс. – Вы же знаете, старшая сестра, что гиосцин – штука весьма деликатная.

В палате потянуло тяжелыми парами эфира.

– Не понимаю, почему сэр Джон так увлекается гиосцином?

– Можно давать меньше анестезирующих препаратов, а после операции он оказывает успокаивающее действие. Я и сам приверженец гиосцина, – важно заметил Томс.

– Какова обычная доза, сэр? – внезапно спросила Бэнкс.

– От одной сотой до двух сотых грана, сестра.

– Так мало?

– Да. Не могу вам назвать минимальную смертельную дозу – она неодинаковая в разных случаях. Но четверть грана наверняка убьет любого.

– Четверть грана, – задумчиво кивнула сестра Бэнкс. – Надо же!

После операции

Четверг, одиннадцатое. К вечеру

Сэр Джон ждал больного в операционной.

Старшая сестра и сестры Джейн и Бэнкс вошли вместе с Томсом. Они остановились у стола – группа одетых в халаты, лишенных всякого выражения автоматов. Все молчали. Послышался скрип колес. Появилась каталка, за которой следовали доктор Робертс и прикрепленная к сэру Дереку сестра-сиделка. Робертс держал на лице больного маску. На каталке лежал министр внутренних дел. Когда его подняли, чтобы переложить на стол, О’Каллаган внезапно быстро и невнятно заговорил:

– Не сегодня, не сегодня, не сегодня, черт возьми, ах, дьяволыщина...

Медсестра ушла.

Запах эфира обволакивал стол как фимиам. Доктор Робертс подкатил ближе свое оборудование – аппарат с цилиндрическими баллонами со сжатыми газами в металлической конструкции напоминал гигантский графин. На груди больного укрепили невысокую ширму, не дающую выхода анестезирующим веществам. Томс с интересом покосился на больного и легкомысленно заметил:

– Ну и видок у него. Забавная голова. Что вы об этом думаете, Робертс? Вы ведь в этом деле дока. На днях прочитал вашу книгу. Как четко проступили черты прирожденного душевного расстройства. Его папаша, случайно, не чокнутый?

– Да, – кивнул шокированный Робертс. – Однако, мистер Томс, вряд ли по чертам лица можно выявить признаки наследственного душевного расстройства.

Сестра обложила живот больного стерильной марлей, и министр, со спрятанной за экраном головой, больше не напоминал человека. На столе находился приготовленный для операции объект, и только.

Сэр Джон взял скальпель и сделал первый разрез.

– Перитонит, как и следовало ожидать, – произнес Томс и добавил: – Ого! Перфоративный абсцесс. У этого малого весь букет.

– Отсюда приступы боли, – пробормотал Филиппс.

– Разумеется, сэр. Удивительно, что он так долго продержался. Только взгляните сюда!

– Паршиво. Черт побери, старшая сестра, вы что, оглохли? Я просил щипцы.

Слегка задетая сестра Мэриголд подчеркнуто благопристойно кашлянула. Некоторое время в операционной царило молчание. Пальцы сэра Джона продолжали действовать – нервно, пылливо, уверенно.

– Пульс слабеет, сэр Джон, – внезапно сообщил Робертс.

– Да? Томс, посмотрите-ка сюда.

– Мне не нравится его пульс.

– В чем дело, Робертс? Что с пульсом?

– Слабый. И его вид вызывает опасение. Сестра, приготовьте инъекцию камфары.

Сестра Бэнкс наполнила второй шприц и протянула врачу.

– Пожалуйста, немедленно сделайте инъекцию!

Бэнкс впрыснула камфару.

– Сыворотку, – процедил Филиппс.

– Сыворотку, сестра Харден, – вполголоса приказала старшая сестра.

Джейн подошла к столу с инструментами.

– Ну что же вы? – поторопил Филиппс.

– Сестра! – рассердился Томс. – Что вы копаетесь?

– Извините... я сейчас.

– Большой шприц, – подсказала Бэнкс.

– Да-да, – едва слышно произнесла Джейн и склонилась над столом.

Филиппс закончил зашивать разрез.

– Сестра, – проговорил Томс, – вы когда-нибудь принесете мне шприц? Что с вами такое?

На кончике его носа от волнения появилась капля. Сестра Мэриголд, заметив ее, вытерла кусочком марли.

Держа в руках лоток, Джейн приблизилась к столу. Филиппс, выпрямившись, смотрел на шов. Томс наложил повязку и сделал укол.

– Вот так, – кивнул он. – Трудный случай. Видимо, очень запущенный.

– Скорее всего, – медленно отозвался Филиппс. – Я видел его вчера вечером, но мне и в голову не пришло, что он болен. Ничего не заподозрил.

– Робертс, как его состояние? – спросил Томс.

– Не блестящее.

– Что ж, переложите в кровать, – распорядился хирург.

– И уберите этот лоток! – раздраженно воскликнул Томс стоявшей рядом Джейн.

Она посмотрела Филиппсу в лицо. Словно избегая ее взгляда, он отвернулся. Джейн направилась к столу с инструментами. Ее шаги становились все неувереннее. Она остановилась, покачнулась и упала на покрытый плитками пол.

– Господи, а с девушкой что случилось? – встревожился Томс.

Филиппс пересек операционную и посмотрел на нее.

– В обмороке, – проговорил он под маской, снял испачканные кровью перчатки, отбросил в сторону и опустился рядом с Джейн на колени.

Сестра Мэриголд, кудахтая как возмущенная наседка, позвонила в колокольчик. Бэнкс помогла Томсу накрыть больного и переложить на каталку. Робертс даже не поднял головы и, склонившись над О'Каллаганом, сосредоточенно наблюдал за его состоянием. Вошли две медсестры.

– Сестра Харден упала в обморок, – сообщила Мэриголд.

Они подняли Джейн. Та открыла глаза и посмотрела на них мутным взглядом. Обхватив Джейн с обеих сторон, сестры вывели ее из операционной.

Больного тоже увезли. Филиппс вышел мыться, вслед за ним последовал Томс.

– Итак, сэр, – весело начал ассистент, – похоже, нарушен обычный ход времен. Как правило, в нашей компании самый свирепый – вы. Но сегодня вели себя как голубок, а бедную девчушку отшлепал я. И жалею об этом. Может, ей нездоровилось во время операции?

– Вероятно. – Филиппс открыл кран.

– Раскаиваюсь. Она приятная девушка и хорошая медсестра. Внимательная. Интересно, она обручена?

– Нет.

– Неужели?

Томс помолчал, не выпуская из рук полотенце, и с любопытством посмотрел на хирурга. Сэр Джон невозмутимо и методично мыл руки.

– Незавидное занятие – оперировать друзей, – помолчав, продолжил Томс. – Тем более такого известного друга. В нашей стране достаточно радикально настроенных господ, которые нисколько бы не опечалились, если бы О'Каллаган безвременно ушел из жизни. Я заметил, сэр, вы немного волновались. Никогда раньше не случалось, чтобы у вас дрожали руки.

– Дорогой Томс, с моими руками все в порядке.

– О, простите.

– Вам не за что извиняться. – Сэр Джон снял халат и шапочку и, расчесав волосы, внезапно добавил: – Вы правы: я оперировал без удовольствия.

Томс добродушно усмехнулся и с сочувствием по-смотрел на хирурга.

Открылась дверь, и вошел доктор Робертс.

– Я хотел сообщить, сэр Джон, – начал он. – Состояние больного вызывает опасение. Инъекция камфары немного исправила ситуацию, однако пульс по-прежнему неудовлетворительный. – Анестезиолог беспокойно переводил взгляд с одного хирурга на другого и протирали очки. – Признаюсь, я обеспокоен. Тем более что случай такой ответственный.

– Все случаи ответственные, – заметил Филиппс.

– Разумеется, сэр Джон. Наверное, я волнуюсь, оттого что наш пациент настолько знаменит.

– Вы, Робертс, шпарите прямо по своим книгам! – рассмеялся Томс.

Анестезиолог с сомнением посмотрел на коротышку.

– И тем не менее я встревожен.

– Сейчас зайду посмотрю, – произнес Филиппс. – Разделяю ваше волнение. Томс, пойдете с нами.

– Одну минуту, сэр.

– В его состоянии наблюдается нечто такое, что не вполне ожидалось, – объяснил Робертс и стал перечислять детали.

Хирург внимательно слушал. Томс довольно оглядывал себя в зеркале.

– Я готов. – Он повернулся к Робертсу и весело заметил: – Какой у вас чудной старый стетоскоп!

Тот с гордостью посмотрел на трубку – старомодный инструмент с прямой рукояткой, отмеченный насечками через каждую четверть окружности.

– Не променяю на самый новейший и лучший, какой имеется в продаже, мистер Томс.

– Знаете, похож на те старинные счетные палочки, на которых насечки означали долги. Для чего служат эти бороздки?

Робертс, смутившись, поднял голову и неодобрительно посмотрел на хирурга.

– Боюсь, вы сочтете меня слишком тщеславным.

– Ладно вам, колитесь, – не унимался Томс. – Что вы на нем считаете: количество загубленных душ или пациентов из миллионеров?

– О нет. Хотя, в сущности, он действительно счетная палочка. Здесь отмечено число больных серьезными сердечными недугами, которым я успешно сделал анестезию.

Томс разразился хохотом, и Робертс покраснел как школьник.

– Вы готовы? – холодно осведомился Филиппс.

Все трое вышли.

В операционной старшая сестра Мэриголд, сестра Бэнкс и еще одна сестра, явившаяся к ним на подмену, убрали помещение и готовились к очередной операции – бронхоскопии, которую должен был выполнить специалист по гортани.

– Две срочные операции за один вечер, – со значительным видом заметила старшая сестра. – На нас большой спрос. Сколько времени?

– Шесть тридцать пять, – ответила Бэнкс.

– Что приключилось с Харден? – спросила та, что явилась на подмогу.

– Понятия не имею, – отрезала Мэриголд.

– Зато я имею, – мрачно вставила Бэнкс.

Старшая сестра бросила на нее взгляд, в котором любопытство боролось с чувством собственного достоинства. Достоинство победило. Зато «подмена» подобной ущербностью не страдала.

– Колись, Бэнкс, – оживилась она. – Почему Харден упала в обморок?

– Потому что знала больного.

– Что? Знала Дерека О'Каллагана? Харден?

– Именно. Их родители жили по соседству в Дорсете. – Бэнкс попыталась изобразить выговор, с каким, в ее представлении, изъясняются богатые землевладельцы: – Ты что, не знала?

Старшая сестра напустила на себя чопорный вид.

– Медсестра Харден происходит из очень хорошей семьи, – наставительно объяснила она посланной на помощь.

– Прямо жуть берет, какой хорошей, – зло рассмеялась Бэнкс. – Так вот, наша Джейн знала этого О'Каллагана. Месяц назад я сказала, что он самый беспринципный из всех тори, а она и не подумала поддержать меня. А потом рассказала...

– Спасибо, сестра Бэнкс! – оборвала ее Мэриголд. – Довольно. Операционная не место для политических дискуссий. У нас, кажется, все готово, и мне необходимо перемолвиться словом с врачом. – И она энергичным шагом удалилась.

– Ты смелая, Бэнкс, – заметила «подмена». – Так отзываться о сэре Дерекe! На фотографиях он очень даже ничего.

– Полагаешь, если у него физиономия, как у Конрада Фейдта, то он подходит на роль народного лидера и может заниматься законотворчеством? Типичная буржуазная невежественность и глупость. Ну ничего: судя по всему, он последний из подобных особей и уйдет первым, когда наступит рассвет.

– Ты о чем?

– Знаю, о чем говорю.

– А я ничего не поняла. Какой рассвет?

– Рассвет дня пролетариата.

– Что за штука? Ты только не злись, Бэнкс. Я правда хочу знать.

– Скоро узнаешь, – отрезала сестра.

Появился специалист по заболеваниям гортани и спросил, все ли готово для его операции. Через десять минут в палату привезли ребенка, и над столом снова, словно фимиам, поднялись пары хлороформа. Операция продлилась десять минут, и вскоре Бэнкс и «подмена» опять принялись отмывать помещение. Специалист по гортани мылся в приемной перед операционной и насвистывал. А когда закончил, просунул голову в дверь и, заметив: «Нет покоя грешникам, сестра», – удалился.

Некоторое время женщины трудились молча. Бэнкс казалась сосредоточенной и даже мрачной.

– Слушай, – наконец не выдержала новенькая. – Наш Пипс бушует на лестнице (Пипсом в больнице звали сэра Джона Филиппса). И Томс с ним. Интересно, как он там? Я имею в виду сэра Дерека.

– Не поверю, что тебе есть до него хоть какое-нибудь дело.

– Правда, очень интересно.

Голоса стали громче, но женщины не могли разобрать слов. Они замерли и прислушались. На лестнице происходило какое-то движение. К мужским голосам присоединился женский.

– Кто это? – заинтересовалась «подмена».

– Похоже на Мэриголд, – ответила Бэнкс. – Боже, как она меня бесит!

– Тс-с-с... О чем это они?

Теперь голос сэра Джона перекрывал все остальные:

– Я сам займусь этим!

– Пипс совершенно взбесился, – прошептала медсестра.

– Да, – слышался ясный ответ Томса. – Да.

Раздался звук шагов. Дверь внезапно открылась, и на пороге появилась сиделка О'Каллагана.

– Это ужасно! – воскликнула она. – Просто ужасно!

– В чем дело? Что случилось?

– Он умер. Сэр Дерек О'Каллаган умер!

– Да что ты!

– Жуть, что творится, – волновалась сестра Грэм. – С ним сейчас леди О'Каллаган. Она пожелала, чтобы ее оставили одну. Я почувствовала, что мне необходимо кому-нибудь рассказать.

Наступила мертвая тишина, затем женщины, словно побуждаемые некоей мысленной телепатией, не сговариваясь, повернулись и посмотрели на Бэнкс. Та откинула голову назад, непреклонно уперев руки в бока. Ее глаза метали искры, губы судорожно шевелились.

– Бэнкс! – возмутилась работавшая с ней медсестра. – Как ты можешь так себя вести? Я вижу, ты рада, что он умер!

– Если бы я не сбросила оковы религии, – ответила старшая коллега, – я бы сказала: «Возблагодарим Господа за то, что он поверг нашего врага!»

– Да ты просто отвратительная старая злюка! – бросила сестра-сиделка министра и вышла из операционной.

Леди О'Каллаган настаивает

Пятница, двенадцатое. День

– Леди О'Каллаган, прошу прощения за беспокойство, могу я с вами немного поговорить?

Рональд Джеймсон запнулся и сконфуженно по-смотрел на вдову своего покойного работодателя. Женщина в черном платье была необыкновенно красива. Ее волосы – секретарь никогда не мог решить, то ли они белокурые, то ли русые, – выглядели так, словно их тщательно разгладили и придали нужную форму. Тонкие изящные руки спокойно лежали на платье. Голубые глаза смотрели из-под тяжелых век с вежливой отстраненностью.

– Хорошо, – тихо согласилась она. – Пойдемте в мою комнату, мистер Джеймсон.

Он последовал за ней в эту обитель воплощенного вкуса. Сесиль неторопливо села спиной к свету и произнесла:

– Присаживайтесь, мистер Джеймсон.

Рональд рассыпался в благодарностях и опустился на самый неудобный стул.

– Я только что вернулся из парламента, – начал он. – Премьер-министр принял меня в своем кабинете. Он ужасно расстроен тем... тем, что произошло вчера. Он просил меня передать, что всецело к вашим услугам, и если что-нибудь потребуется...

– Очень любезно с его стороны, – прервала его вдова.

– Еще он, разумеется, обеспокоен судьбой законопроекта. Законопроекта сэра Дерекка против анархии. Необходимо настоятельно продвигать его, но случившаяся трагедия осложняет дело.

– Понимаю.

– Встал вопрос о личных заметках сэра Дерекка. Без них никак не обойтись. Я настаивал, чтобы отложить это дело до... послезавтра, но премьер-министр считает, что оно не терпит отлагательства, и желает познакомиться с заметками немедленно. Полагаю, они в столе, в кабинете, но прежде чем что-либо предпринять, я посчитал необходимым получить ваше разрешение.

Леди О'Каллаган не отвечала так долго, что Джеймсон встревожился. Затем она посмотрела на лежащие на коленях изящно сложенные руки и проговорила:

– Этот законопроект как-то связан с теми людьми, которые его убили?

Секретарь онемел от изумления и не знал, что ответить. Он считался находчивым молодым человеком, но, очевидно, странное предположение Сесиль застало его врасплох.

– Боюсь, я не понимаю... вы хотите сказать... леди О'Каллаган, вы же не допускаете... – Он никак не мог закончить фразу.

– Именно, – невозмутимо кивнула она. – Более того, я не сомневаюсь, что его убили.

– Но кто?

– Те самые люди. Анархисты или как их там. Они ему угрожали. И осуществили угрозу. Законопроект был, видимо, направлен на то, чтобы сдерживать этих типов. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы способствовать его продвижению.

– Спасибо, – произнес Рональд.

– Это все, мистер Джеймсон?

– Но, леди О'Каллаган, неужели вы серьезно допускаете... скажу вам искренне, вы меня просто ошарашили. Откуда подобные мысли? В медицинском заключении ясно сказано: сэр Дерек страдал острым перитонитом.

– Сэр Джон Филиппс утверждает, что операция прошла успешно. Его отравили.

– И умер от перитонита и прободного абсцесса. Каким образом его могли специально отравить?

– В одном из писем ему угрожали отравлением. В том, что пришло в прошлый понедельник.

– Многие видные политические деятели получают похожие послания, однако ничего не случается. Простите меня, леди О'Каллаган, по-моему, вы заблуждаетесь. Как его могли отравить? Это невозможно. Прошу вас, не терзайте себя. – Он смущенно посмотрел в ее безмятежное лицо и с жаром закончил: – Не сомневаюсь, вы ошибаетесь.

– Пойдемте в его кабинет. – Леди О'Каллаган поднялась и молча повела секретаря в комнату министра.

Они открыли стол, и Сесиль, усевшись, наблюдала, как Рональд просматривает документы в отделениях для бумаг.

– Ящики слева, – объяснил он, – для личной корреспонденции. Я к ним никогда не прикасался.

– Их также необходимо открыть. Я сделаю это сама.

– Разумеется. Вот одно из писем с угрозами. Даже несколько... Я хотел показать их старшему инспектору уголовной полиции Аллейну из Скотленд-Ярда, но сэр Дерек не разрешил.

– Дайте мне на них взглянуть.

Секретарь отдал ей пачку писем и продолжил разбирать документы.

– А вот и заметки, – сообщил он, поднял голову и удивился, увидев на лице Сесиль признаки душевного волнения. Она пылала злобой.

– Вот то письмо, о котором я говорила. Прочитайте – и поймете, что его грозили отравить.

– Понятно.

– Вы до сих пор мне не верите, мистер Джеймсон?

– Извините. Боюсь, что нет.

– Я буду настаивать на расследовании.

– На расследовании? О Боже! – вырвалось у Рональда. – То есть, леди О'Каллаган, я хотел сказать, что не стал бы так поступать. На это нет никаких оснований.

– Вы понесете сегодня заметки мужа премьер-министру?

– Да.

– Окажите любезность, передайте, как я намерена поступить. А пока я просмотрю ящики с личной перепиской. У вас есть от них ключи?

Секретарь нехотя вложил ей в руку связку ключей.

– Когда вам назначена встреча?

– В три часа.

– Сейчас только половина третьего. Будьте любезны, перед тем как уходить, зайдите ко мне.

Как только секретарь удалился, Сесиль попробовала ключ к нижнему ящику.

Если бы кто-нибудь взял на себя труд наблюдать за Рональдом Джеймсоном – например, дворецкий Нэш, – он показался бы ему чрезвычайно расстроенным. Секретарь поднялся в спальню, бесцельно по-бродил из угла в угол, выкурил три сигареты и, наконец, уселся на кровать, глядя, словно в транс, на висевшую над туалетным столиком гравюру. Затем посмотрел на часы, спустился вниз, взял шляпу и зонтик и вернулся в кабинет министра.

Леди О'Каллаган сидела за столом, на котором лежали стопки аккуратно рассортированных писем. Она не повернула головы и продолжала неотрывно смотреть на бумагу в руке. Рональд подумал, что она, судя по всему, довольно долго сидела, не меняя позы, – как и он,

пока находился в комнате наверху. Лицо леди О'Каллаган всегда казалось бескровным – она не пользовалась румянами, – но теперь было просто смертельно-бледным. От носа к кончикам губ, подобно туго натянутым ниточкам, пролегли тонкие морщинки.

– Подойдите сюда, – тихо сказала она.

Секретарь приблизился и встал около стола.

– Неделю назад вы мне сказали, что муж получил расстроившее его письмо. Вот это письмо?

Рональд бросил взгляд на лист бумаги и отвернулся.

– Я не видел само письмо, только конверт, – пробормотал он.

– Этот конверт?

– Полагаю, да, но утверждать не могу.

– Прочтите.

С выражением крайней неприязни секретарь прочитал письмо. Оно было от Джейн Харден.

«Если представится возможность, – писала медицинская сестра, – я без колебания вас убью».

Рональд положил письмо на стол.

– А теперь прочтите вот это.

Второе послание пришло от сэра Джона Филиппса. Хирург писал в сердцах, вернувшись домой после встречи с О'Каллаганом, и отправил письмо, не успев остыть.

«Полагаю, вы намерены устраниться и не собираетесь поступать так, как всякий достойный человек посчитал бы своим долгом. Вы сказали, что послали Джейн чек. Она, разумеется, либо его разорвет, либо отправит обратно. Не могу вас ни к чему побуждать, поскольку это навредило бы даме, которой вы и так причинили боль. Но предупреждаю: держитесь от меня подальше. Во мне сидит дьявол, с которым, как я надеялся, справился, но вы опять пробудили его к жизни, и я могу запросто вас убить. Мои слова могут быть восприняты преувеличением, но, имейте в виду, это не просто фигура речи.

Джон Филиппс».

– Вы видели его раньше? – спросила леди О'Каллаган.

– Никогда.

– Узнаете подпись? Его написал человек, который оперировал моего мужа.

– Да.

– Кто такая Джейн Харден?

– Даю слово, понятия не имею.

– Вот как? Очевидно, медсестра. Взгляните на адрес, мистер Джеймсон.

– Боже мой! – воскликнул Рональд. – Та же больница.

– Вот именно. Мы отправили его на операцию в странное место.

– Но...

– Будьте добры, возьмите с собой письма.

– Но, леди О'Каллаган, я никак не могу показать их премьер-министру. Это невозможно!

– Тогда я сделаю это сама. Расследование должно состояться.

– Прошу прощения, вы прочитали письма и потрясены их содержанием. Но сознаете ли вы, какие последствия вызовет огласка?

– О чем вы говорите? О каком потрясении? Неужели допускаете, будто я не знала, что у мужа были любовницы?

– Не представляю, – смутился несчастный Рональд.

– Разумеется, знала, – невозмутимо продолжила Сесиль. – Но, на мой взгляд, это не имеет никакого отношения к тому вопросу, какой мы сейчас обсуждаем. Не сомневаюсь, что его убили. Сначала я подозревала этих людей, – леди О’Каллаган сделала едва заметный жест в сторону аккуратной стопки конвертов на столе, – но теперь выяснила, что его окружали враги пострашнее. – Она накрыла ладонью лежащие на коленях письма. – Его убили. Возможно, эта медицинская сестра или сэр Джон Филиппс. Или вдвоем, сговорившись. Я требую расследования.

– Расследования! Сомневаюсь, чтобы вам его разрешили.

– К кому следует обратиться?

– Обычный человек не может дать указание начать расследование, – уклончиво ответил секретарь.

– А кто может, мистер Джеймсон?

– Районный коронер.

– Или полиция?

Рональд поморщился.

– Полагаю, да.

– Хорошо. Спасибо, мистер Джеймсон.

Рональд поднялся и в полном замешательстве поспешил в парламент.

А леди О’Каллаган тем временем прижала небольшую стопку писем нефритовым пресс-папье и открыла телефонный справочник. Нужный ей номер был напечатан крупным шрифтом на первой странице. Ей ответили немедленно, как только она его набрала.

– Это Нью-Скотленд-Ярд? – Ее голос прозвучал безмятежным фальцетом. – Говорит леди О’Каллаган. Моим мужем был сэр Дерек О’Каллаган, покойный министр внутренних дел. Я хочу поговорить с кем-нибудь из начальства по поводу его смерти. Нет, не по телефону. Может, кто-нибудь приедет ко мне? Немедленно. Благодарю вас.

Сесиль положила трубку и откинулась на спинку кресла. Затем позвонила Нэшу. Тот явился. В трауре он напоминал головку сыра «Стилтон».

– Нэш, – начала она, – через десять минут к нам прибудет полицейский чин из Скотленд-Ярда. Это по поводу предстоящих похорон. Я хочу поговорить с ним. Если в это время придет мисс О’Каллаган, скажите, что я не могу ее видеть. Когда полицейский явится, проводите его сюда.

– Слушаюсь, миледи, – тихо произнес дворецкий и удалился.

А Сесиль О’Каллаган перешла в комнату, где лежал ее муж, дожидаясь своего последнего путешествия по Уайтхоллу. У гроба маленькими золотыми плюмажами у головы и в ногах покойного трепетали огоньки свечей. Большая комната была богато украшена цветами. Пахло как на тропическом острове, хотя в комнате царил леденящий холод. Поодаль от гроба стояла на коленях монахиня из церкви, где О’Каллаганы были прихожанами.

На мгновение вдова опустила на колени, небрежным движением перекрестилась, затем поднялась и посмотрела на мужа.

Дерек О’Каллаган выглядел впечатляюще: густые брови, черные волосы, крупный нос подчеркивали бледность его лица. Чопорно сложенные крест-накрест руки покорно прижимали распятие к крутому изгибу груди. Жена, почти такая же бледная, как и муж, смотрела на покойного. Никто бы не догадался, о чем она думает. Она просто смотрела на мертвое лицо. Где-то в отдалении открылась и закрылась дверь. Сесиль отвернулась от гроба и вышла из комнаты.

В холле Нэш мрачно принимал шляпу и зонт у высокого, крепко сложенного мужчины.

– Инспектор Фокс, миледи.

– Извольте пройти сюда.

Она провела полицейского в кабинет. Нэш успел развести в камине огонь, и Сесиль протянула к теплу свои тонкие пальцы.

– Присаживайтесь. – Они устроились друг против друга, и инспектор Фокс ждал с почтительным вниманием. – Я пригласила вас сюда, поскольку считаю, что моего мужа убили.

Фокс некоторое время грузно и неподвижно сидел молча и мрачно смотрел перед собой.

– Печально слышать, леди О’Каллаган, – наконец произнес он. – Звучит серьезно.

По части сдержанности Сесиль явно нашла себе достойного собеседника.

– Разумеется. Я бы не вызвала вас, если бы не имела вещественных доказательств, которые готова предъявить. Полагаю, полиция осведомлена о деятельности людей, на борьбу с которыми направлен законопроект моего мужа против анархизма?

– Нам о них многое известно.

– Муж получал много писем с угрозами, которые, как мы полагали, приходили от этих людей. Я хотела, чтобы он показывал письма полиции, но он отказывался.

– Мы знаем об этом из другого источника, – заметил Фокс.

– Вероятно, от премьер-министра?

Полицейский спокойно посмотрел на нее и промолчал.

– Письма здесь, – продолжила леди О’Каллаган после паузы. – Я желала бы, чтобы вы их прочитали. – Она взяла бумаги со стола и протянула полицейскому.

Тот извлек из внутреннего кармана очечник и надел очки в золотой оправе. В них он выглядел очень солидно. И так же солидно читал письма, аккуратно кладя их одно поверх другого. Закончив последнее, сложил вместе свои огромные ладони и произнес:

– Да, они обычно пишут нечто подобное.

– А теперь прочитайте вот это. – Она протянула ему письма от Джона Филиппса и Джейн Харден.

Полицейский прочитал их так же внимательно.

– Сэр Джон Филиппс – тот самый хирург, который оперировал моего мужа. Второе письмо, как я понимаю, от медицинской сестры из его больницы.

– Вот как? – вежливо отозвался Фокс.

– У моего мужа развился перитонит, но, по моему мнению, он скончался от отравления.

– И это мнение сложилось у вас благодаря письмам? Этим двум или другим?

– Не знаю. Однако склонна считать личные письма более весомыми. Их авторы явно угрожали жизни мужа.

– Да, выражения весьма недоброжелательные.

– Я хочу, чтобы было проведено расследование.

– Понятно, – кивнул Фокс. – Должен вам сказать, леди О’Каллаган, что это очень серьезное дело.

На щеках Сесиль появился легкий румянец. Другая на ее месте скорее всего завизжала бы, а эта лишь заметила:

– Разумеется, серьезное.

– Поймите: прежде чем будет отдан приказ на проведение расследования, коронер, который и отдает такие приказы, захочет кое в чем убедиться. Как обстоят дела со свидетельством о смерти?

– Что вы имеете в виду?

– Оно подписано?

– Да.

– Сэром Джоном Филиппсом?

– Не знаю. Вероятно. Хотя не исключено, что его подписал ассистирующий хирург мистер Томс.

– Так. Проанализируем ситуацию: мистер Томс – известный хирург, сэр Дерек – влиятельный пациент. Мистер Томс, прежде чем поставить подпись на свидетельстве о смерти, обязательно предпринял бы все предосторожности. Полагаю, коронер посчитает данный документ достаточным.

– А как же угрозы? Не сомневаюсь, что мужа убили! Я требую расследования.

Фокс задумчиво посмотрел на огонь.

– Возможно, вы пожелаете, чтобы я сам позвонил коронеру и изложил суть дела?

– Конечно, если вы возьметесь.

– Было бы лучше, если бы вы могли сообщить, кто точно подписал свидетельство о смерти.

– Это должен знать секретарь мужа, мистер Джеймсон. На три часа у него назначена встреча с премьер-министром.

– Сейчас без пятнадцати четыре.

– Я позвоню ему в парламент, – сказала Сесиль и принялась набирать номер.

Ей потребовалось время, чтобы разыскать Рональда и задать ему вопрос.

– Это был Томс? – спросила она в трубку. Ответ секретаря явственно прозвучал в комнате. – Спасибо. Вы обсудили это дело? Ясно. Нет, полагаю, что не надо, мистер Джеймсон. Я напрямую связалась с полицией.

Леди О'Каллаган повесила трубку и сообщила Фоксу, что свидетельство о смерти подписал Томс.

Полицейский позвонил коронеру и долго, приглушенно с ним разговаривал. Коронер что-то отвечал, и его голос звучал взволнованно. Леди О'Каллаган внимательно слушала и барабанила пальцами по ручке кресла – жест для нее прежде немыслимый. Наконец Фокс разъединился.

– Все, как я и предполагал. Он говорит, что не может вмешиваться.

– Следовательно, мне придется обращаться напрямую к премьер-министру.

– Я бы не стал этого делать, леди О'Каллаган. Во всяком случае, пока, – посоветовал Фокс. – Если позволите, я переговорю со своим начальником, старшим инспектором уголовной полиции Аллейном.

– Аллейном? Мне кажется, я о нем что-то слышала. Он ведь... – Сесиль О'Каллаган чуть не допустила промах и не сказала: «Он джентльмен». Видимо, действительно так разволновалась, что была на грани подобной оплошности.

Инспектор Фокс ответил просто:

– Да, он довольно известен. Высокообразованный человек. Я бы сказал так: не похож на меня.

Щеки Сесиль опять порозовели.

– Я благодарна вам за хлопоты, – произнесла она.

– Это наша работа, – ответил инспектор Фокс. – А теперь, леди О'Каллаган, извините меня, я должен идти. Немедленно переговорю со своим начальником и, если позволите, покажу ему письма.

– Показывайте.

– Благодарю. Всего хорошего.

– Не хотите ли что-нибудь выпить, перед тем как уйдете?

– Нет, спасибо. Вы очень любезны. – Детектив подошел к двери, обернулся и слегка поклонился. – Позвольте выразить вам мои соболезнования. Это большая потеря для нашей страны.

– Спасибо.

- Всего доброго, леди О'Каллаган.
- Всего доброго, инспектор.

Старший инспектор уголовной полиции Аллейн

Пятница, двенадцатое. День и вечер

– Привет, Братец Лис, – произнес Аллейн, оторвав взгляд от стола. – Куда это вас носило в вашем новом котелке?

– Ходил в гости к Снежной королеве, – ответил инспектор, проявив неожиданную фантазию. – Только имейте в виду: если я сказал «Снежная королева», то не имел в виду кокаин.

– Да ну? А что же вы имели в виду? Садитесь, покурите. Вы, кажется, взволнованы?

– Так и есть. – Инспектор посерьезнел, достал и прочистил трубку и важно посмотрел на начальника: – Я навещал жену покойного министра внутренних дел.

– Вот как? А вы делаете успехи.

– Понимаете, шеф, она утверждает, что это убийство.

– Убийство кого?

– Сэра Дерекса О'Каллагана.

Аллейн положил трубку на стол и медленно повернулся на стуле.

– Надо же! – Бровь старшего инспектора взлетела на невероятную высоту, а уголок губ пополз куда-то в сторону, отчего его красивое лицо приобрело надменно-озорное выражение. – Что она за женщина?

– Эдакая замороженная леди, – отвечивал Фокс. – В общем, Снежная королева. Отнюдь не истеричка, если вас это интересует.

– Она из Крысбонов. Все Крысбоны отличаются холодностью. Я учился в школе с ее братом, и того, конечно, прозвали Крысомором. Ничего, что я говорю, как мистер Сплетник? Неприветливый был парнишка. Ладно, выкладывайте все от начала до конца.

Фокс рассказал, что ему удалось выяснить, задержавшись подробнее на письмах.

– Понятно, – буркнул Аллейн. – Она настаивает на расследовании?

– Да. И если мы ничего не предпримем, то дойдет до премьер-министра. Он ведь ваш приятель, сэр?

– Да, знаком я с этим стариканом. Недели две назад он вызывал меня по другому поводу, и мы имели беседу в духе Оппенгейма об этих самых террористах. Премьер-министр был очень обеспокоен и интересовался моим мнением: не грозит ли О'Каллагану опасность, если он будет продвигать своей законопроект. В подобных случаях ничего нельзя утверждать. Я ему так и ответил. Всегда может найтись какой-нибудь подающий надежды молодой коммунист, который подсунет бомбу. Хотя, честно говоря, я сомневался. Да, они время от времени безобразничают и доставляют много неприятностей, но я не верю, чтобы британские анархисты были убийцами. Анархисты! Слово-то какое *vieux jeu* ¹.

– Это, наверное, французский?

– Угадали, Фокс. Я всегда говорил, что у вас способность к языкам.

– Занимаюсь самообучением с помощью граммофона. И все же, сэр, террористы не шутка.

– Разумеется. Пээм ², как его называют, считал, что О'Каллагану требуется полицейская защита. И я с ним соглашался. Но больше ничего не мог поделать. О'Каллаган несерьезно относился к угрозам. И мы, как ты знаешь, ненавязчиво присматривали за ним. В тот день, когда заседал кабинет министров, чтобы решить вопрос о представлении законо-

¹ Старомодное (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Премьер-министр.

проекта, я сам отправился на Даунинг-стрит. Мне стало известно, что туда собирается этот несносный Николас Какаров, и я действительно заметил его поблизости на улице. Вырядился самым смехотворным образом – кажется, фотографом – и удрал со всеми своими инфракрасными излучателями, как только увидел меня. А я взял такси и поехал за О’Каллаганом до самого его дома. Был момент, когда мы остановились бок о бок. Он включил в салоне машины свет, а я повторил приветствие.

– Его слуги надежны? – спросил Фокс.

– О да, этим мы занимались, но, разумеется, не могли добиться многого без разрешения О’Каллагана или без его ведома.

– Конечно. Думаю, ее светлость подозревает хирурга или девчонку.

– «Хирург или девчонка», подходит для названия кино. Сэр Джон Филиппс – способный врач и умеет управляться со скальпелем. Она считает, что он резанул не там, где надо, потому что О’Каллаган связался с его приятельницей?

– Она уверена, что сэра Дерекка отравили. Во всяком случае, ее мысль такова, хотя в письмах – никакой ясности.

– Письма при вас?

– Да, вот они.

Аллейн внимательно прочитал послания.

– Знаете, Фокс, сотни людей сочиняют подобные письма, однако не собираются никого убивать.

– То же самое я пытался внушить и ей!

– Бедолага Фокс. Найдите-ка мне статью о его смерти.

Инспектор извлек из кармана газету.

– Захватил с собой.

– Вы ни о чем не забываете. Значит, он умер через час после окончания операции. Анестезиолог проявлял беспокойство, перитонит, перфоративный абсцесс, «не хотел устраниваться от грандиозного дела», явно запустил свой живот. Все достаточно логично, и тем не менее... – Аллейн задумчиво потянул кончик своего аристократического носа. – Боже, – тоскливо заключил он, – придется идти встречаться с леди.

На лице Фокса отразилось облегчение.

– Если в этом деле есть что-то реальное, это будет громкое расследование. Как вы называете подобные случаи? – Он, смущаясь, произнес французские слова: – Cause celebre ³.

– Именно так, – кивнул Аллейн, который, подшучивая над кем-нибудь, никогда не перегибал палку. – Интересно, примет она меня сегодня вечером?

– Не сомневаюсь, сэр.

– Сейчас справлюсь. – Он позвонил на Кэтрин-стрит. – Это дом леди О’Каллаган? Я говорю с ее дворецким? Старший инспектор Аллейн из Скотленд-Ярда. Будьте любезны, спросите у ее светлости, не сможет ли она принять меня сегодня вечером в любое удобное для нее время. Совершенно верно, инспектор Аллейн. Благодарю вас.

В ожидании ответа он рассеянно смотрел на Фокса.

– В девять часов. Большое спасибо. – Аллейн положил трубку. – Влип на свою голову.

Когда Фокс ушел, старший инспектор сидел и минут двадцать смотрел на стену перед собой. Затем по-звонил полицейскому хирургу и какое-то время расспрашивал его об аппендицитах, перитонитах и наркозе. Потом отправился к себе в квартиру на Ковентри-стрит, принял ванну, переоделся в смокинг и прочитал первую сцену из «Гамлета», к которой был равнодушен. Было лишь без двадцати девять, и он решил пройтись до Кэтрин-стрит пешком. Слуга Василий подал ему пальто.

³ Нашумевшее дело (фр.).

– Василий, – спросил старший инспектор, – ты все еще видишься со своими пользующимися дурной репутацией приятелями из этого вашего пансоветского братства?

– Нет, сэр. Я уже не тот старый глупый мошенник. Стал совершеннейшим скромником.

– Очень на это надеюсь, старый осел. Кстати, до тебя не доходили какие-нибудь слухи о Николасе Какарове?

Василий широко перекрестился справа налево.

– Боже, спаси и помилуй! Он из них самый плохой, – с жаром заявил он. – Нехороший малый. До Советов он был еще молодым, но уже тогда его нельзя было назвать кон-серватором. После Советов постарел и постоянно замыслил что-то дурное. Советы нравились ему не больше Романовых. Случалось, он убивал начальников, и так всех допек в России, что ему пришлось сматываться в Англию.

– Где ему, как полагается, оказали сердечный прием. Я все это знаю, Василий. Спасибо. Не дождайся меня. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр. – Слуга дотронулся до рукава Аллейна. – Пожалуйста, сэр, не связывайтесь с Николаем Алексеевичем. Он очень плохой человек.

– Тебе лучше знать, – легкомысленно отозвался Аллейн и, усмехнувшись, вышел из дома.

На Кэтрин-стрит Нэш впустил инспектора в дом и уставился на него словно разъяренный сын. В голове дворецкого укрепился стереотип некоей социальной лестницы, на которой, как он решил, полицейские всех рангов стоят на одной ступени с настройщиками роялей. Аллейн ни по костюму, ни по манерам никак не вписывался в эту классификацию. Как бы Нэш ни противился, пришлось смириться.

– Я к леди О’Каллаган.

– Ее светлость вас ждет, сэр.

Аллейн отдал дворецкому шляпу и зонт. Тот поблагодарил и направился в сторону кабинета. Старший инспектор последовал за ним. Нэш отворил дверь.

– Мистер Аллейн, миледи! – объявил он, явно считая, что унижительное звание гостя лучше опустить.

Сесиль О’Каллаган сидела у камина в кресле мужа. Когда появился Аллейн, она поднялась и холодно по-смотрела на него.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – произнес старший инспектор. – Мне чрезвычайно неудобно вас беспокоить. – И подумал: «Черт возьми! Как же она похожа на Крысомора!»

– Я сама искала с вами встречи. Очень любезно с вашей стороны, что вы пришли так быстро.

– Пустяки. – Это было отменно любезное вступление к сюжету об убийстве.

– Присаживайтесь. Полагаю, тот человек, который приходил сюда днем, сообщил вам, по какой причине я решила обратиться в полицию?

– Инспектор Фокс предоставил мне полный отчет о разговоре с вами.

– Хорошо. Я полагаю, что моего мужа убили – вероятно, отравили.

– Сочувствую, что вдобавок к своему горю вам приходится страдать от подобных подозрений, – сказал Аллейн, подумав: «Сколько еще времени мы будем друг перед другом витийствовать?»

– Благодарю. Вы согласны, что обстоятельства требуют расследования?

– Мне хотелось бы узнать немного больше. Письма я прочитал.

– Вы не считаете, что уже они способны вызвать у любого подозрения?

– Весьма необычно, леди О’Каллаган, чтобы человек, замысливающий убийство, писал подобные письма. Это кажется странным. Полагаю, Фокс вам об этом сказал?

– Да, он говорил. Уверена, убийца, когда писал эти письма, еще не задумывал лишить человека жизни. Но не сомневаюсь, он из тех людей, которые не упустят возможности, если таковая представится.

«Следовательно, она намекает на Филиппса и девушку», – подумал Аллейн и произнес:

– Ваша мысль, разумеется, понятна.

– Есть еще одно обстоятельство, я не обсуждала его с... инспектором Фоксом. До операции я находилась в палате мужа. Он не признавал, где он и что с ним происходит. Я пыталась объяснить, что у него аппендицит. Затем пришел сэр Джон Филиппс. Муж увидел его, воскликнул: «Нет... не позволяйте...» – и потерял сознание. Такое впечатление, что он испугался хирурга. И я не сомневаюсь, что он хотел сказать: «Не позволяйте ему прикасаться ко мне!» Замечу, что за неделю до этого сэр Джон приходил к мужу, как я полагала, чтобы проконсультировать по поводу его болей, которые в тот период были очень сильными. На следующее утро я спросила мужа, осмотрел ли его врач. Он уклонился от ответа, но выглядел очень расстроенным. Я видела сэра Джона в холле, и его обхождение показалось мне в высшей степени необычным. Письмо он написал в тот же вечер – вероятно, под впечатлением от их разговора.

– Вы связываете письмо сэра Джона с другим, подписанным женщиной по имени Джейн Харден?

– Да. Она медицинская сестра в больнице, где оперировали моего мужа. Днем, после того как ваш человек ушел, я позвонила в клинику и под предлогом, будто хочу отблагодарить ухаживавших за мужем сестер, выяснила, как их зовут. Она присутствовала во время операции и, возьмусь предположить, ассистировала сэру Джону.

Сесиль говорила невозмутимо, с подчеркнутой медлительностью, произнося звуки на одной высокой ноте, словно читала.

– Простите меня, – начал Аллейн, – я хотел бы знать, известно ли вам было что-нибудь об этом деле. Надеюсь, вы понимаете, что я спрашиваю лишь потому...

– Потому что хотите понять, не предвзята ли я?

– Совершенно верно.

– Я знала, что муж мне изменял, но надеялась, что это не более чем случайные интрижки.

– Вы ничего не знали о существовании мисс Харден?

– Нет.

Аллейн немного помолчал и поднялся.

– Я с вами согласен, расследование необходимо.

Леди О'Каллаган сделала легкое движение, шелохнулись тяжелые складки ее платья. Возникло впечатление, будто сразу улетучилось все ее напряжение. Но заговорила она тем же привычным невозмутимым тоном:

– Уверена, вы приняли очень мудрое решение.

– Боюсь, у нас возникнут трудности с коронером. Он, естественно, станет осторожничать с открытием расследования по такому делу. Тут уж никак не получится остаться в рамках хотя бы относительной сдержанности. Газеты уже подняли шумиху по поводу писем с угрозами от политических противников сэра Дерекса.

Аллейн пристально посмотрел на Сесиль, но, за исключением мелькнувшего на ее лице мимолетного выражения недовольства, не заметил иных проявлений чувств.

– Это было бы крайне неприятно, – пробормотала она.

– Но должен подчеркнуть, что дела обстоят именно так. Вы хотели бы обсудить со мной что-нибудь еще?

– Предлагаю вам поговорить с секретарем мужа, мистером Джеймсоном. Он, вероятно, подтвердит все, что я сказала по поводу реакции сэра Дерекса на письма.

– Я встречу с ним. Разумеется, если аутопсия покажет, что имело место отравление, моим долгом будет провести самое тщательное расследование.

– Разумеется, – согласилась леди О’Каллаган.

Она, видимо, заранее решила, что Аллейн должен встретиться с Джеймсоном, поскольку сразу же послала за секретарем. Рональд явился со смущенным и озабоченным видом.

– Это секретарь моего мужа, мистер Джеймсон, – представила его леди О’Каллаган.

– Добрый вечер, – произнес Рональд. – Вы меня, конечно, не помните, но мы с вами уже встречались.

– У меня плохая память.

– У Найджела Батгейта.

– Ах да. – Ответ прозвучал вежливо, но уклончиво.

– Вот как... – пробормотала леди О’Каллаган. – То-то мне показалось, что я вас где-то видела, мне знакомо ваше лицо.

– Людям часто кажется, будто им знакомы лица полицейских, – серьезно проговорил Аллейн.

– Это не то, что вы подумали, сэр. – Рональд повернулся к леди О’Каллаган: – Мистер Аллейн есть на нескольких фотографиях мистера Крысбона, которые висят в кабинете в Карнелли.

«Крикетные команды Крысомора, – подумал старший инспектор. – Этого мне только не хватало».

– Мистер Джеймсон, – начал Аллейн, – леди О’Каллаган пожелала, чтобы я побеседовал с вами по поводу инцидента, который имел место за неделю до операции сэра Дерек.

Рональд вздрогнул и, явно нервничая, посмотрел на Сесиль.

– Я рассказала старшему инспектору о своих подозрениях, и он согласился, что необходимо расследование.

– Это так, сэр? Конечно, вам виднее, но дело уж очень неприятное.

– Помните тот вечер, когда мой муж получил письмо от Джейн Харден?

– Да, – нехотя кивнул секретарь.

– Вы сказали мне, что письмо его расстроило?

– Да... но...

– И когда муж случайно подслушал, что вы об этом говорите, он беспричинно разозлился?

– Полагаю, что не беспричинно, – возразил Рональд. – Сэр Дерек был абсолютно прав: я не должен был обсуждать его корреспонденцию. Прежде ничего подобного я себе не позволял.

– И почему же позволили в тот раз? – спросила Сесиль.

«Ей бы подошло место Генерального прокурора», – подумал Аллейн.

– Потому что... потому что он был сильно расстроен.

Рональд поздно заметил ловушку и угодил в нее.

– Вот именно, – кивнула леди О’Каллаган.

– Опишите его состояние. Он был встревожен?

– Скорее взволнован и расстроен. Но ведь согласитесь, сэр, неприятно получать подобные письма. – Рональд смутился.

– Конечно, – согласился старший инспектор. – Как я понимаю, вы не присутствовали во время разговора сэра Дерек с сэром Джоном Филиппсом?

– Нет, не присутствовал.

– А там был кто-нибудь еще?

– Дворецкий Нэш принес им поднос с напитками.

- Он говорил с вами по этому поводу?
- Обычные сплетни среди слуг. Я осадил его, сэр.
- Что он вам успел сказать, прежде чем вы его осадили?
- Трезвонит, как старая баба, этот Нэш. Ему показалось, будто сэр Джон говорил угрожающе. Уверяю вас, сэр, он полный дурак.
- Понятно. Полагаю, леди О'Каллаган, на этом все. Можно устроить так, чтобы этот все замечающий Нэш появился здесь, когда я буду уходить?
- Сесиль позвонила.
- Ему пора принести поднос с напитками, – произнесла она.
- Дворецкий появился с подносом и осторожно по-ставил на стол.
- Не угодно ли, мистер Аллейн...
- Нет, большое спасибо. Мне пора идти. До свидания, леди О'Каллаган. Если позволите, я вам позвоню.
- Разумеется. Благодарю вас. До свидания.
- Нэш открыл дверь и вышел за Аллейном в холл. Джеймсон дернулся, будто тоже хотел проводить полицейского, но Сесиль ему не позволила.
- Мистер Джеймсон! – позвала она.
- Секретарь мгновение колебался, затем вернулся в кабинет и закрыл дверь.
- Принимая у дворецкого шляпу и пальто, Аллейн помедлил и в упор посмотрел на него.
- Вероятно, вы догадываетесь, зачем я здесь?
- Не имею ни малейшего представления, сэр, – сдержанно промолвил Нэш.
- В связи со смертью сэра Дерека.
- Дворецкий едва заметно кивнул.
- Я задам вам один вопрос. Вы не обязаны отвечать, но я особо настаиваю, чтобы это дело никак не обсуждалось ни в помещении для слуг, ни вне его. Вам понятно?
- Конечно, сэр. – Нэш не проявил ни малейшего волнения.
- Думаю, что могу на вас положиться. Как долго вы работали у сэра Дерека?
- Двадцать лет, сэр. Я был лакеем у его отца.
- Не слышали ли вы, чтобы сэр Джон Филиппс что-нибудь говорил вашему хозяину, когда приходил сюда в последний раз?
- Слышал, сэр.
- Что именно?
- «Если представится возможность, я без колебания вас раздавлю». Это его точные слова.
- Вы кому-нибудь об этом рассказывали?
- Мистеру Джеймсону, сэр. Посчитал, что это мой долг. Больше об этом происшествии в доме никому не известно.
- Что мистер Джеймсон подумал об этом инциденте?
- Он как будто не придавал ему значения.
- Не придавал значения? Благодарю вас, Нэш.
- Большое спасибо, сэр. Вызвать вам такси?
- Нет, я прогуляюсь пешком.
- Всего хорошего, сэр.
- Дворецкий открыл дверь, и Аллейн вышел на улицу. На секунду задержался, закурил и, не успев удалиться от дома, услышал за спиной торопливые шаги и обернулся. Из двери с непокрытой головой выскочил Рональд Джеймсон и поспешил за ним.
- Прошу вас, извините меня, сэр, – торопливо произнес он. – Я считаю, что должен сказать вам кое-что еще, но в присутствии леди О'Каллаган это было затруднительно. Насчет ее подозрений. Уверен, что они безосновательны. Сэр Дерек был человеком светским, умел

развлекаться. А она хоть на вид как ледышка и все такое, но, думаю, жутко ревнивая, и ей хочется наказать девушку. Не сомневаюсь, что дело именно в этом.

– Но с какой стати ей вместе с мисс Харден наказывать еще и сэра Филиппса?

– Одному Богу известно. Разве женщин поймешь?

– Я не пытался.

– Наверное, вы подумаете, что с моей стороны это большая дерзость, но... знаете... я считал сэра Дерек, как бы сказать, замечательным человеком, и мне невыносима мысль, что все это выплывет наружу и станет достоянием гласности. Отвратительно.

В этих сбивчивых словах чувствовался тот же душок уклончивости, что и в его покоряющей тактичности. Он почтительно посмотрел в насмешливое лицо полицейского. Тот удивленно изогнул бровь.

– Подумайте, а если сэра Дерек действительно убили, неужели вам бы хотелось, чтобы преступник избежал наказания?

– Нет. Но, видите ли, я уверен, что его не убивали. Те два письма ничего не означают. Я сразу так решил, когда... – Секретарь запнулся.

– Вы собирались сказать, когда вы так решили, – строго посмотрел на него Аллейн.

– Когда леди О'Каллаган их обнаружила.

– Где хранились письма, мистер Джеймсон?

– В его личном ящике. – Рональд густо покраснел.

– А ключи?

– Обычно в столе.

– Хорошо. И не будем дальше вдаваться в подробности, пока не выясним, что сэр Дерек в самом деле убит.

– Абсолютно уверен, что это невозможно сэр.

– Надеюсь, вы правы. Доброй ночи.

– Огромное спасибо, сэр, – с готовностью подхватил Рональд, вкладывая в слова все свое обаяние. – И вам доброй ночи.

Аллейн взмахнул тростью, круто повернулся и стал удаляться. Секретарь, теребя галстук, еще долго смотрел вслед высокому элегантному мужчине. Затем взглянул на окна дома, пожал плечами и быстро избежал по ступеням ко входу.

Аллейн услышал, как хлопнула дверь. Сворачивая с Кэтрин-стрит к Букингемским воротам, он стал насвистывать песенку Офелии:

Ах, он умер, госпожа,
Он – холодный прах;
В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах.

Post-Mortem ⁴

Понедельник, пятнадцатое. День

– Все толкуют мне о пээмах, – пожаловался Аллейн в понедельник инспектору Фоксу, – а я не могу понять, то ли они имеют в виду премьер-министра, то ли пост-мортем. Не сразу сообразишь, если имеешь дело и с тем и с другим.

– А что вы хотели? – сухо заметил Фокс. – Как продвигается дело?

– Пока есть лишь подозрение. Леди О'Каллаган настаивает на расследовании и в случае отказа грозит обратиться к премьер-министру. Коронер дал указание о расследовании, и оно началось в субботу до полудня, за чем последовало другое, которое продолжалось в выходной и до полудня, и после. Видишь, как все запутано.

– Вы встревожены, шеф.

– Когда вы называете меня шефом, я чувствую себя какой-то помесью индейского воина с персонажами из гангстерских фильмов, у которых тяжелые подбородки и сигары в зубах.

– Ладно, шеф, – невозмутимо произнес Фокс и мрачно добавил: – Здесь есть над чем попотеть.

– Что верно, то верно. Признаюсь, я поволновался во время дознания. Выглядел бы отменно глупо, если бы все пошло по-иному и вскрытия бы не назначили.

– Филиппс всю постарался, чтобы не допустить вскрытия.

– Вы так думаете?

– А вы нет?

– Пожалуй... да, похоже на то.

– Невиновный человек в его положении, наоборот, добивался бы вскрытия, – заметил Фокс.

– Нет, если бы считал, что это совершил кое-кто другой.

– Светлая мысль.

– Пока лишь мысль. И не исключено, что глупая. Что скажете о роли старшей сестры Мэриголд?

– Складывается впечатление, что она рада дознанию, но отвергает любой намек на критику сэра Джона Филиппса.

– Бросила пару едких замечаний о другой медсестре – Бэнкс.

– Вот и мне она показалась какой-то странной. Об этой девице Харден молчала, а как только речь зашла о Бэнкс...

– Взвилась как пантера, – заметил Аллейн. – Да, «странная» – подходящее слово.

– С медиками в таких случаях всегда непросто: держат оборону, если можно так выразиться, – рассуждал Фокс.

– Этого-то я как раз и не наблюдаю. Прочитал стенограмму дознания, и меня поразило вот что: вся эта компания играет во что-то вроде салок в темноте. Или в перетягивание каната в темноте. Хотят действовать сообща, но не могут сообразить, в какую сторону тянуть. Вот стенограмма. Давайте-ка посмотрим вместе. Где ваша трубка?

Полицейские закурили, и Аллейн протянул через стол подчиненному сделанную под копирку копию стенограммы дознания.

⁴ Вскрытие трупа (лат.).

– Сначала о непосредственных показаниях к операции. Филиппс заявил, что сэр Дерек страдал прободным абсцессом аппендикса и был принят в клинику на Брук-стрит. Он обследовал больного и посоветовал срочное хирургическое вмешательство, которое по просьбе леди О'Каллаган взялся выполнить сам. В брюшной полости был обнаружен перитонит. Анестезиологом выступил доктор Робертс – его привлекли к операции, поскольку штатный анестезиолог отсутствовал. Филиппс утверждает, что Робертс принял все меры предосторожности и к анестезиологу у него нет претензий. Ассистент хирурга Томс с этим соглашается, как и старшая медицинская сестра Мэриголд и две другие медсестры. Перед началом операции Филиппс ввел гиосцин, что в подобных случаях является обычной процедурой. Для инъекции он использовал принесенные с собой таблетки, поскольку предпочитает их имеющемуся в операционной раствору, так как гиосцин в высшей мере коварное средство. Так и тянет сказать, что все было предусмотрено и ответственность ни на ком не лежит. Шприц для инъекции он готовил сам. В конце операции был введен состав с красивым названием «концентрированный антитоксин газовой гангрены», применяющийся в случае перитонита. Сыворотку и большой шприц подготовила сестра Бэнкс до операции. Сыворотка представляла собой готовый продукт в ампуле, из нее сестра и наполнила шприц. Сестра Харден принесла шприц и передала Томсу. Тот и ввел состав. В это время анестезиолог Робертс забеспокоился из-за сердца пациента и попросил сделать инъекцию камфары. Состав подготовила и укол сделала старшая по возрасту сестра. Дырку в животе заштопали, и больного увезли из операционной. Он умер через час, предположительно от острой сердечной недостаточности. Но один из моих друзей-медиков выражается иначе: «Человек умирает от смерти». Итак, мы скромно констатируем: пациент умер в результате операции, которая, за исключением одного небольшого обстоятельства, а именно смерти больного, была проведена успешно.

– Что ж, – заметил Фокс, – до этого момента они все согласны друг с другом.

– А вы заметили, что они начали осторожничать, когда речь зашла о том, как Джейн Харден взяла шприц с антигангренозной сывороткой? Ей самой стало не по себе, когда коронер задал об этом вопрос. Вот это место:

«Коронер. Вы передали доктору Томсу шприц с антигангренозной сывороткой?»

Медсестра Харден (после паузы). Да.

Коронер. Вы при этом не замешкались или не произошло ли чего-нибудь иного?»

Медсестра Харден. Да, я помедлила. Шприц был уже наполнен, и я хотела убедиться, что это тот, который требуется.

Коронер. Вы не ожидали, что он уже приготовлен?»

Медсестра Харден. Я неважно себя чувствовала и секунду колебалась, а затем сестра Бэнкс подсказала мне, что надо взять большой шприц и передать его доктору Томсу».

Вызванный повторно Филиппс заявил, что задержка не имела существенного значения. Медсестра Харден плохо себя почувствовала и потеряла сознание.

«Коронер. Мне стало известно, что вы были лично знакомы с усопшим.

Медсестра Харден. Да».

Аллейн положил стенографический отчет.

– Вот это обстоятельство. Все выглядит совершенно естественно. Но я чувствую, как возрастает напряжение, когда о нем заходит речь. – Он немного помедлил и с расстановкой добавил: – Если бы не Томс, никто бы не узнал об инциденте.

– Я заметил, сэр. Мистер Томс, давая показания, проговорился, а потом как будто пожалел, что сказал лишнее.

– Именно.

Фокс внимательно посмотрел на него.

– Судя по тому, что нам известно, эта девушка испытывала сильное душевное волнение. Был мужчина, которому она писала и с которым, как мы понимаем, у нее имела связь. Она рассчитывала на постоянное взаимопонимание – это вытекает из ее письма, – но ничего не получилось, и девушка пригрозила убить его. А он – тут как тут, на столе.

– Очень драматично, – усмехнулся Аллейн. – То же самое с небольшими поправками можно отнести к сэру Джону Филиппсу.

– Да, – согласился Фокс. – Не исключено, что они в сговоре.

– Нет-нет, до тех пор пока мы не получим отчет экспертов, я категорически против всяких догадок. Я никого из этих людей не допрашивал. Вы же знаете, я считаю, что до завершения дознания нельзя выдвигать никаких суждений. Пусть дознание проводится непредвзято. Вскрытие может ничего не показать, и в таком случае нам лучше незаметно исчезнуть.

– Верно, – мрачно согласился инспектор.

– Сейчас мы только отмечаем интересные факты, которые пригодятся в дальнейшем. Факт первый: сестра Харден и антигангренозная сыворотка. Факт второй: странное поведение сестры Бэнкс. Эта особа ведет себя как каштан на сковороде – готова в любой момент самопроизвольно вспыхнуть. Но так и не вспыхнула, зато умудрилась внедрить в умы присяжных подозрения. Меня поразило, что она открыто ненавидела покойного министра внутренних дел. Презрение сквозило во всех ее отзывах о нем.

– Наверное, левая радикалка, – предположил Фокс.

– Похоже на то.

– Может, он и с ней крутил роман?

– Полно, Фокс. Она для этого не очень подходит.

– У людей бывают очень странные причуды.

– Да, но давайте не будем строить предположений.

– Хорошо, сэр. А каков наш третий факт?

– Вышеупомянутое обстоятельство. Необыкновенная замкнутость старшей медицинской сестры Мэриголд в моменты, когда речь заходит о ее подчиненной Бэнкс. У меня сложилось впечатление, будто в ней бурлит информация, которую она всеми силами старается удержать в себе. «Из меня ее клещами не вытащить, а вот если бы были клещи...»

– А сам сэр Джон?

– *Agitato ma non troppo*⁵ и был неестественно тих. Сэр Джон из кожи вон лез, внушая окружающим, что сам готовил инъекцию гиосцина.

– Как-то уж слишком в лоб, – с сомнением заметил Фокс.

– Я тоже так подумал. Кристально честный человек.

Фокс подозрительно покосился на начальника и продолжил:

– Леди О'Каллаган очень толково давала показания.

– Да. Слушайте, а как нам удалось пройти буквально по кромке с этими письмами! Я, разумеется, предостерег коронера, который, конечно, их прочитал и решил, что они достаточное основание для вскрытия. Но в итоге согласился, что лучше о них не упоминать. Он проявил в этом деле необыкновенную застенчивость и умолчал бы о целых пинтах гиосцина.

– Ага! Гиосцин! – воскликнул Фокс. – Он все-таки у вас на уме!

– Не надо кричать. Я чуть не откусил от трубки полмундштука. Гиосцин сейчас ни при чем. Я только хотел сказать, как опасался, что леди О'Каллаган вытащит эти письма на

⁵ Взволнованно, но не слишком (*ит.*).

свет божий. Я ее предостерегал, советовал, упрасивал этого не делать, но она же недаром из Крысбонов.

– А Томс?

– Всячески демонстрировал, что вообще противник этого представления, но показания давал откровенно, – правда, скрыл, что расстроен оглаской эпизода с обмороком медсестры, и отвергал любую критику в адрес Филиппса.

– Да, – кивнул Фокс, – я заметил. И Робертс вел себя так же. Я это имел в виду, когда говорил, что медики держались сообща.

– Хотели держаться сообща, но не сомневаюсь, что не все согласны с коллегами. У меня возникло ощущение, будто их встревожила заминка Джейн Харден с антитоксином гангрены, и было нечто такое с медсестрой Бэнкс, о чем сестры Мэриголд и Харден предпочли умолчать.

– Было сделано всего три инъекции, – задумчиво произнес Фокс, подняв соответствующее число пальцев. – Раствор гиосцина приготовил Филиппс, он же сделал укол. Камфару приготовила и ввела сестра Бэнкс. Антиоксин гангрены приготовила Бэнкс, а ввел мистер Томс.

– Вливали как на бензоколонке. Такие вот дела. Если его утроба все это переварила, проблем не возникнет, но если начнет пучить, это станет крепким орешком. Как вам мой коктейль из метафор?

– Я консультировался с инспектором Бойзом по поводу политической стороны дела, – сказал Фокс. – У него вся компания Какарова на заметке, и он считает, что там нечего особенно ловить.

– Я того же мнения. С тех пор как повязали группу Красинского, левые заметно поутихли. Но никогда не знаешь, чего ждать от этих людей. Может, у них что-то серьезное на уме. Если законопроект на следующей неделе пройдет, это нанесет по ним серьезный удар. Надеюсь, на завтрашних похоронах не случится неожиданности. Мы хорошо подготовились, чтобы без помех предать несчастного земле – запечатать дверь стойла золотым замком. Эти люди могут воспользоваться погребением и устроить какую-нибудь пакость, но вряд ли имеют отношение к убийству. Они бы предпочли что-нибудь более зрелищное, чтобы послужило достойным эхом событий в Югославии. Гиосцин на это не тянет.

– При чем тут гиосцин? – удивился инспектор.

– Ах вы, старый пройдоха, – усмехнулся Аллейн. – Я отказываюсь обсуждать с вами это дело. Идите ловите карманников.

– Прошу прощения, сэр.

– А если что-нибудь всплывет на вскрытии, общайтесь с леди О'Каллаган сами. Это быстро приведет вас в чувство. Сколько времени?

– Три часа, сэр. Результаты вскрытия скоро будут готовы.

– Наш знаменитый патологоанатом позвонит мне, как только проинформирует коро-
нера.

Аллейн поднялся и, тихонько насвистывая, прошелся по комнате. Зазвонил внутренний телефон. Фокс поднял трубку.

– К вам мисс О'Каллаган, – флегматично объявил он.

– Мисс? Что за чертовщина? Ах да... Что еще там случилось?

– Проведите наверх, – сказал Фокс в телефон и обратился к старшему инспектору: – Пожалуй, я лучше слиняю.

– Так будет лучше. Все это странно, очень, очень странно.

Фокс ушел. Старший инспектор выколотил из трубки табак, открыл окно и сел за стол. В коридоре раздался женский голос, констебль отворил дверь и, объявив: «Мисс О'Каллаган, сэр», – удалился.

В кабинет вошла Рут О'Каллаган, одетая в какие-то не сочетающиеся друг с другом куски материи разной длины. Очки косо сидели на огромном носу. На сухопаром запястье безнадежной путаницей шнурков и кожаных ремешков висели сумка и зонт. Лицо было бледным. Она казалась горестно-оживленной.

Аллейн поднялся из-за стола.

– О! – Возглас женщины означал, что она увидела старшего инспектора. – О! – Она бросилась к нему напоминающей галоп походкой и протянула руку.

Аллейн пожал ее.

– Здравствуйте, – пробормотал он.

– Вы очень любезны, что согласились меня принять, – начала Рут. – Мне известно, насколько вы заняты. Статистика преступлений просто угрожающая. Чрезвычайно любезны.

– На сегодняшний день у меня арестов не назначено, – серьезно произнес старший инспектор.

Рут с сомнением покосилась на него и шумно рассмеялась.

– Нет же, нет... Как смешно. Разумеется, я не предполагала. – Смех внезапно оборвался, и она, став печальной и растерянной, проговорила: – Нет, но это ничего не меняет. Вы же все равно думаете: вот настырная чокнутая старуха, сует свой нос куда не надо.

– Сядьте, – мягко предложил ей Аллейн и подвинул стул.

Согнув, как складной метр, ноги в коленях, она сразу стала опускаться, и он, подпихнув под нее стул, вернулся на место. Рут подалась вперед и, опершись на локоть, серьезно посмотрела на него.

– Мистер Аллейн, что это за ужасное, ужасное подозрение насчет смерти моего брата?

– На данный момент, мисс О'Каллаган, это вряд ли можно назвать подозрением.

– Я беседовала со своей невесткой, и она наговорила мне столько страшного и пугающего. Сказала, что моего брата... – Рут с шумом втянула воздух и воскликнула: – Убили!

– Леди О'Каллаган придает определенное значение письмам с угрозами, которое приходили сэру Дереку. Полагаю, вы слышали о них?

– От этих ужасных анархистов? Я, конечно, знаю, как дурно они себя ведут, но Дерри, мой брат, всегда говорил, что они ничего не сделают, и я не сомневаюсь, что он был прав. Больше ни у кого не было поводов желать ему зла.

«Ей ничего не известно о других письмах», – подумал Аллейн.

– Все его обожали, просто обожали. Мой дорогой старина Дерек! Мистер Аллейн, я пришла вас просить оставить это дело. Довольно одного дознания, что же до того, что предстоит дальше... вы понимаете, что я хочу сказать... мне невыносима одна мысль. Пожалуйста, мистер Аллейн. – Рут порылась в сумочке и извлекла на свет колоссальных размеров носовой платок.

– Прошу прощения, – произнес старший инспектор. – Понимаю, насколько вам все это неприятно, но вдумайтесь: какое имеет значение, что проделывают с нашими телами, после того как мы уходим из жизни? По-моему, никакого. А если кто-то считает наоборот, это результат заблуждения. Наверное, неправильно говорить с вами с такой прямоотой. – У Рут булькнуло в горле, и она скорбно покачала головой. – Предположим, вскрытия не будет. Подумайте о своих чувствах. Всякий раз, когда вы будете вспоминать о брате, вас будут мучить неразвешанные подозрения.

– Он умер в результате болезни. Ах, мистер Аллейн, если бы он последовал моему совету! У меня есть друг, блестящий молодой фармацевт, человек с будущим. Я консультировалась с ним по поводу брата, и он с присущей ему щедростью и благородством дал мне чудесное средство «Живительные вольты». Я умоляла брата его принять. Оно бы его исцелило, я убеждена. Мой друг меня в этом уверял, а он знает, что говорит. – Рут внезапно

замолчала и испуганно посмотрела на Аллейна, а затем сообщила: – Брат постоянно смеялся надо мной.

– И отказался от «Живительных вольт»?

– Да. Я оставила ему таблетки, но он меня высмеял. Моя невестка не очень-то... – Рут не сумела подо-брать слова и снова вспомнила о лекарстве. – Нет, он его, конечно, не принял.

– Люди обычно консервативны, если речь идет о медицине.

– Правильно, – с готовностью согласилась она и высморкалась.

– Отсутствие интереса к их фармацевтическим опытам может сильно обескуражить молодых людей, подобных вашему другу, – произнес Аллейн. – Я знаю одного молодого фармацевта – ему всего двадцать пять, а он... – Старший инспектор оборвал себя на полуслове и подался к мисс О'Каллаган. – Уж не об одном ли человеке мы с вами говорим?

Рут улыбнулась ему сквозь слезы.

– Нет-нет.

– Как знать, мисс О'Каллаган. Я из тех, кто твердо верит в совпадения. Того, что знаю я, зовут Джеймс Грэм.

– Нет-нет. – Рут запнулась, а потом сообщила: – Моего знакомого зовут Гарольд Сейдж. Может, вы слышали и о нем? Он довольно известен, ему лет тридцать.

– Вероятно, – кивнул Аллейн. На столе зазвонил телефон. – Прошу прощения. – Он поднял трубку. – Алло? Да-да, я. Понятно. Большое спасибо. Сейчас я занят. Если позволите, зайду к вам завтра.

Рут поднялась.

– Не могу вас больше задерживать, мистер Аллейн. Но прежде чем уйти, позвольте вас попросить не заниматься дальнейшим расследованием. У меня на это есть основания... то есть я уверена, что Дерри умер естественной смертью. Все так ужасно. Если бы я не сомневалась, что убедила вас... – Она всплеснула руками в отчаянной мольбе. – Обещайте, что не будете!

– Крайне сожалею, – Аллейн перешел на официальный тон, – но это невозможно. Вскрытие сделано, и мне сообщили о его результатах.

Рут оторопело уставилась на него, застыв с полуоткрытым ртом. Большие руки вцепились в сумочку.

– И что... что вам сказали?

– Ваш брат умер от передозировки опасного наркотика.

На ее лице отразился испуг, она повернулась и, спотыкаясь, молча вышла из кабинета.

Аллейн записал «Гарольд Сейдж» в небольшой блокнот, который всегда имел при себе. Затем скептически посмотрел на страничку, закрыл блокнот и отправился на поиски Фокса.

Гиосцин

Вторник, шестнадцатое. День

Через пять дней после смерти Дерек О'Каллагана пышно и с почестями похоронили. Аллейн оказался прав: неизвестные оппоненты покойного министра внутренних дел во время церемонии никак себя не проявили и не потревожили растянувшуюся по Уайтхоллу медленно ползущую процессию. Второе дознание завершилось. Заслушав патологоанатома и экспертов, присяжные вынесли вердикт, признающий виновными в убийстве неустановленного лица или лиц. Но до того как началось обсуждение, Аллейн без свидетелей перекинулся с патологоанатомом несколькими словами.

– Что ж, – заявил тот, – по поводу гиосцина у меня почти нет сомнений. Обычная доза от одной сотой до двух сотых грана. Мои подсчеты, основанные на остатках гиосцина в органах, свидетельствуют о том, что больной получил не менее четверти грана. Минимальная смертельная доза меньше этой.

– Понятно, – кивнул старший инспектор.

– Вы подозревали гиосцин, Аллейн?

– Да, этот вариант не исключался. Но я молил Бога, чтобы вы ничего подобного не обнаружили.

– Согласен, неприятное дело.

– Входит ли гиосцин в состав отпускаемых без рецепта лекарств?

– О да. Сэр Дерек употреблял такие лекарства?

– Не знаю. Надо выяснять.

– Доза в этих препаратах настолько незначительна, что не могла повлиять на общую картину.

– А если он проглотил целую упаковку?

Патологоанатом пожал плечами:

– А зачем бы он стал это делать? – Аллейн не ответил, и эксперт, не первый год знавший старшего инспектора, продолжил: – Я вижу, у вас что-то на уме.

– Сэр Джон Филиппс сделал больному инъекцию гиосцина. А если О'Каллаган ранее принимал лекарство, содержащее тот же наркотик?

– Обычная доза инъекции, как я говорил, одна сотая грана. В отпускаемых в аптеках лекарствах гиосцина гораздо меньше. Если сложить одно с другим и представить, что больной принял большое количество своего снадобья, смертельная доза все равно вряд ли наберется. Если, конечно, у сэра Дерек не было аллергии на гиосцин. Но даже если была, это не объясняет того количества гиосцина, которое мы обнаружили в его организме. Если хотите знать мое мнение – хотя за достоверность я не ручаюсь, – его убили.

– Спасибо за все, что вы сделали, – мрачно по-благодарил Аллейн. – Не буду дожидаться вердикта. Решение присяжных предопределено. Пусть Фокс удостоит суд своим присутствием. Еще один вопрос: вам удалось обнаружить следы от уколов?

– Да.

– Сколько их было?

– Три.

– Три. Все совпадает. Черт возьми!

– Это не окончательное заключение, Аллейн. Мог быть след от четвертого укола, но в таком месте, где мы его не заметили: например, внутри уха, под волосами или след в след с другим уколом.

– Понятно. Ну ладно, надо бежать раскрывать убийство.

– Позвоните, если понадобится моя помощь.

– Спасибо. Непременно. До свидания.

Старший инспектор подошел к двери кабинета, но передумал и повернулся от порога:

– Я пришлю вам парочку таблеток. Сможете устроить им вскрытие?

– Сделать анализ?

– Будьте добры. До свидания.

В дом на Брук-стрит Аллейн приехал на такси и спросил мрачного типа, облаченного в похожую на смирительную рубашку форму, в клинике ли теперь сэр Джон Филиппс. Сэр Джон еще не возвращался. На вопрос, когда он появится, мрачный тип ответил, что не знает.

– Пожалуйста, найдите того, кто знает, – попросил Аллейн. – А когда сэр Джон освободится, передайте ему мою визитную карточку.

Его пригласили подождать в диковинной гостиной, какие бывают только в дорогих частных клиниках лондонского Уэст-Энда. Толстый ковер, темные шторы псевдоимперского стиля, стулья с золочеными ножками. Старший инспектор обменялся холодным взглядом с мраморной женщиной, все выпуклости которой были пикантно подчеркнуты позолотой. Вошла в накрахмаленном халате медицинская сестра, с сомнением посмотрела на Аллейна и удалилась. Часы, гордо воздетые вверх дерзко обнаженной бронзовой фигурой, прилежно отмерили маятником двадцать минут. Где-то послышался мужской голос, открылась дверь и вошел Филиппс.

Он выглядел, как обычно, безукоризненно – образец модного хирурга: впечатляюще-некрасивая внешность, монокль в глазу, профессиональная свежесть, которую подчеркивал легкий запашок эфира. Интересно, подумал Аллейн, у него всегда такое бледное лицо?

– Инспектор Аллейн? – произнес хирург. – Прошу прощения, что заставил вас ждать.

– Ничего страшного. Это я должен извиниться за то, что беспокою вас. Но я решил, что вам будет интересно узнать результаты вскрытия.

Филиппс вернулся к двери, тихо прикрыл ее и заговорил, не глядя на собеседника:

– Спасибо. Рад буду услышать.

– Боюсь, «рад» вряд ли подходящее слово.

– Вот как?

Хирург медленно повернулся.

– К сожалению, – продолжил Аллейн, – в органах найдены явные признаки гиосцина. Больной получил не менее четверти грана.

– Четверти грана? – Брови Филиппса поползли вверх, и монокль упал на пол. Он был поражен и озадачен. – Невозможно! – Он наклонился и подобрал монокль.

– Ошибки быть не могло, – спокойно заметил старший инспектор.

Хирург долго смотрел на него и наконец сказал:

– Прошу прощения, инспектор. Вы, разумеется, проверили факты, но гиосцин... Неве-
роятно.

– Вы, конечно, понимаете, что мне предстоит провести обстоятельное расследование?

– Да.

– В подобных случаях полиция чувствует себя бессильной. Нам приходится копаться в профессиональных деталях. Буду с вами откровенен, сэр Джон: сэр Дерек умер от смертельной дозы гиосцина. Если не удастся доказать, что он принял наркотик сам, мы столкнемся с очень серьезной ситуацией. Мне придется познакомиться с описанием хода операции и задать вам множество вопросов. Думаю, не стоит напоминать, что вы не обязаны на них отвечать.

Филиппс помедлил, а затем вежливо произнес:

– Разумеется, понимаю. Буду рад сообщить все, что вам поможет. О’Каллаган поступил сюда в качестве моего пациента. Я его оперировал. И, естественно, буду числиться одним из подозреваемых.

– Надеюсь, нам быстро удастся опровергнуть данное предположение. Начнем вот с чего: вы сообщили во время дознания, что сэр Дерек О’Каллаган получил гиосцин.

– Совершенно верно. Перед операцией ему впрыснули одну сотую грана препарата.

– Разумеется, с вашего одобрения?

– Я сам сделал укол, – бесстрастно подтвердил хирург.

– Сами? Боюсь, что ничего не знаю о свойствах данного наркотика. Его всегда применяют при перитоните?

– Он не имеет к перитониту никакого отношения. Я всегда колю гиосцин перед операциями. Благодаря гиосцину появляется возможность уменьшить дозу анестезирующего средства, и после наркоза пациент чувствует себя комфортнее.

– Сейчас им пользуются чаще, чем, скажем, двадцать лет назад?

– Да.

– Будьте любезны, объясните, на какой стадии подготовки производят инъекцию? Помоему, во время дознания этот вопрос не поднимался.

– Укол делают непосредственно перед операцией в наркозной палате, после того как больной засыпает. При этом используется шприц для подкожных инъекций.

– Его готовит дежурная хирургическая сестра?

– Но не в этом случае. Мне казалось, я ясно объяснил, что инъекцию готовил сам.

– Ах да, я не сообразил! – воскликнул Аллейн. – Теперь мне все понятно. Что именно вы проделали? Опустили иглу в синюю бутылочку и вобрали содержимое в шприц?

– Не совсем так. – Филиппс в первый раз за время разговора улыбнулся и достал портсигар. – Давайте присядем. Не хотите сигарету?

– Если не возражаете, закурю свои. Напрасное дело тратить на меня хорошие сигареты. Они опустились на неудобные стулья под правым локтем мраморной женщины.

– Что касается самого раствора, – продолжил хирург, – я пользуюсь таблетками, содержащими сотую грана гиосцина, которые развожу в двадцати пяти минимакх дистиллированной воды. В операционной имеется готовый раствор, но я им не пользуюсь.

– Потому что он менее надежен или по какой-либо другой причине?

– Он вполне надежен, в этом никто не сомневается. Но гиосцин – такое средство, с которым следует обращаться с осторожностью. Если я готовлю раствор сам, то не сомневаюсь в дозе. Теперь во многих операционных пользуются гиосцином в ампулах. Я подумываю, может, и здесь воспользоваться в будущем этим примером.

– В этом отношении все, что вы проделали, было привычной практикой?

– Да.

– Вы были одни, когда готовили шприц к инъекции?

– Возможно, в операционной находилась медсестра. Не помню. – Филиппс помолчал и добавил: – Когда я заканчивал, вошел Томс.

– А вышел он вместе с вами?

– Не помню. Скорее вернулся в предоперационную через несколько секунд после моего ухода. Я оставил его в операционной, а сам направился в наркозную палату и сделал укол.

– У вас нет сомнений по поводу дозы?

– Я прекрасно понимаю, о чем вы думаете, инспектор Аллейн. Это вполне обоснованное подозрение. Но я абсолютно уверен, что растворил единственную таблетку. Вобрал в шприц дистиллированную воду, вылил в мерный стакан, вытряхнул на ладонь таблетку, убедился, что она одна, и бросил в стакан.

Филиппс подался вперед, пристально посмотрел полицейскому в лицо и сунул руки в карманы.

– Я готов в этом поклясться.

– Ясно, сэр, – кивнул Аллейн. – Хотя я и должен принимать в расчет возможность ошибки, мне понятно, что даже если вы растворили не одну, а две таблетки, это составило бы одну пятидесятую грана. Не исключено, что всего содержимого пробирки не хватило бы на четверть грана, которые, по оценке экспертов, содержались в органах сэра Дерек.

Джон Филиппс заколебался.

– Таблетки расфасовывают в пробирки по двадцать штук, так что вся пробирка составляет пятую часть грана гиосцина. – Он достал из кармана коробочку и подал Аллейну. – В ней та пробирка. С тех пор я использовал всего одну таблетку.

Аллейн открыл коробку и вынул пробирку, целиком заклеенную бумажным ярлыком. Вынул крохотную пробку и заглянул внутрь.

– Можно? – спросил он и вытряхнул содержимое на ладонь. Там оказалось восемнадцать таблеток. – Все сходится, – подтвердил он. – Не возражаете, я заберу это для анализа? Всего лишь общепринятый порядок, как пишут в детективных романах.

– Забирайте.

Аллейн достал из кармана конверт, ссыпал таблетки в пробирку, положил пробирку в конверт, а конверт – в карман.

– Спасибо. Вы очень любезны. Не представляете, как мы в Скотленд-Ярде боимся экспертов.

– Правда?

– Да. Понимаю, насколько огорчительно для вас эта история.

– Очень.

– Ведь сэр Дерек был вашим другом?

– Я знал его лично.

– В последнее время вы часто встречались?

Филиппс помедлил с ответом, затем, глядя прямо перед собой, спросил:

– Что вы подразумевали, когда сказали «в последнее время»?

– Ну, недели две или около того.

– Я заглядывал к нему домой в пятницу вечером перед операцией.

– Профессиональный визит врача?

– Нет.

– Вам не показалось, что у него развивается серьезное заболевание?

– Нет.

– Он не упоминал, что употребляет продающиеся без рецепта лекарства?

– Нет, – резко ответил хирург. – Почему вы спросили о лекарствах?

– Так, просто возник вопрос.

– Если что-то известно о том, что он употреблял лекарства, эту тему надо хорошенько проработать.

– Я того же мнения, – бросил Аллейн.

– Если у него идиосинкразия на гиосцин, – продолжил Филиппс, – и он его принимал...

– Вот именно.

Мужчины словно поменялись местами. Теперь хирург предлагал свои версии, а полицейский уходил от обсуждения.

– Есть свидетельства, что О'Каллаган принимал не прописанные врачом лекарства?

– Не исключено.

– Идиот! – вырвалось у хирурга.

– Странно, что он не сказал вам в пятницу, что заболел.

– Он... мы обсуждали иной вопрос.

– Не могли бы вы сообщить, какой именно?

– Сугубо личный.

– Сэр Джон, – мягко произнес Аллейн, – мне, видимо, с самого начала следовало сказать, что я читал ваше письмо сэру Дереку.

Голова хирурга дернулась, словно перед ним внезапно возникло опасное препятствие. Он с полминуты молчал, а затем очень тихо проговорил:

– Вам нравится читать чужую личную корреспонденцию?

– Полагаю, не больше, чем вам смотреть в чей-то вскрытый перитонитный живот, – парировал старший инспектор. – Это чисто профессиональный интерес.

– Вы разговаривали с дворецким?

– Хотите дать мне свое объяснение происшедшего?

– Нет.

– Говоря неофициально – именно так мне было бы приятнее с вами общаться, – я вам сочувствую.

Врач поднял голову.

– А знаете, я вам верю. Хотите спросить что-нибудь еще?

– Нет. Я и так вас сильно задержал. Не вызовет ли больших неудобств, если я переговорю с присутствовавшими на операции медсестрами?

– Вряд ли они сообщат вам что-либо еще.

– Тем не менее я должен с ними повидаться, пока они не заняты на операциях.

– Операционная сейчас свободна. Старшая сестра и ассистирующая ей сестра Бэнкс должны находиться где-то поблизости.

– Замечательно. А другие сестры? Та сиделка, что была прикреплена к сэру Дереку, и еще одна – кажется, по фамилии Харден?

– Выясню. Не возражаете, если придется подождать?

– Нисколько. – Аллейн невольно бросил взгляд на мраморную женщину. – Я хотел бы поговорить с ними по очереди. Так все мы будем испытывать меньше неловкости.

– Вы не производите впечатления стеснительного человека, – усмехнулся Филиппс. – Хотя не сомневаюсь: вам удобнее вынюхивать втихую. Вы встретитесь с ними по очереди.

– Благодарю.

После ухода хирурга Аллейн дожидался всего несколько минут. Затем дверь снова отворилась и вошла старшая медсестра Мэриголд. Она держалась подчеркнуто вежливо, но не могла скрыть любопытства и возмущения.

– Здравствуйте, – приветствовал ее старший инспектор.

– Добрый день, – отозвалась Мэриголд.

– Присядьте, пожалуйста. Где вы предпочитаете: здесь или под статуей?

– Большое спасибо. – Платье зашуршало, когда она опускалась на стул, глаза холодно смотрели на полицейского.

– Сэр Джон, вероятно, сообщил вам о результатах вскрытия? – предположил Аллейн.

– Ужасно. Такая потеря для страны.

– Трудно представить. Один из сильных людей в правой партии. – В голосе старшего инспектора прозвучало лукавство.

– Именно так я всем и говорила, когда он умер.

– А теперь, старшая сестра, сжальтесь над несчастным несведущим полицейским – выведите из непроницаемого тумана, в котором он заблудился. Умер государственный муж, возможно, самый выдающийся деятель своего времени, и в его организме находят четверть грана гиосцина. Мне, профану, предстоит выяснить, как этот гиосцин попал в него. Посоветуйте, что, черт возьми, я должен делать?

Аллейн широко улыбнулся. Казалось, даже ее накрахмаленная сестринская косынка смягчилась.

– Не сомневаюсь, что это нелегкое задание, – проговорила она.

– Разумеется. Вы, очевидно, глубоко потрясены.

– Не скрою. Медицинских сестер принято считать привычными к прискорбным сторонам жизни и невероятно черствыми.

– Ни за что не поверю. Конечно, то, что открылось...

– Чудовищно! Не могу постичь – не в состоянии. Ничего подобного в моей практике не случалось. Смерть после операции в моей операционной! Никто бы не позаботился о нем лучше. Все шло абсолютно гладко.

– Вы и попали в самую точку! – воскликнул Аллейн, глядя на Мэриголд так, словно перед ним была пророчица. – Я в этом совершенно уверен. Вы, старшая медсестра, знаете не хуже меня, что у сэра Дерекса было много врагов. Скажу по секрету, в Скотленд-Ярде мы знаем, где их искать, и работаем в тесном контакте с разведывательным управлением. Прекрасно понимаем расклад. – Старший инспектор с удовлетворением заметил, как заинтересованно блеснули ее глаза. – Среди нас, в самой нашей гуще, прячутся тайные агенты и целые тайные общества – силы зла. В Скотленд-Ярде об этом известно, но обычные граждане даже не подозревают. – Аллейн сделал паузу и, сложив руки, прикинул, сколько из того, что он наплел, женщина примет на веру.

Похоже, она поверила всему, до единого слова. И в ужасе прошептала:

– Невероятно. Просто невероятно!

– Таково положение, – важно кивнул Аллейн, откидываясь на спинку стула. – Однако возникла трудность. Прежде чем выстрелить прямой наводкой, мне необходимо убедиться, что не существует иных вариантов. Предположим, мы немедленно произведем арест. Как будет защищаться преступник? По-пробует навести подозрение на невиновных – тех, кто боролся за жизнь сэра Дерекса: на хирурга и его помощников.

– Но это ужасно!

– И тем не менее может случиться. Чтобы подготовиться к подобной ситуации, я должен знать историю операции как свои пять пальцев – во всех деталях. Вот почему, старшая сестра, я раскрыл карты и пришел с вами поговорить.

Мэриголд долго молчала, и Аллейн заподозрил, что плохо сыграл свою роль. Но она заговорила с неподдельной торжественностью:

– Я считаю своим долгом рассказать все, что вам поможет.

Аллейн решил, что не следует пожимать ей руку, и лишь спокойно, но почтительно поблагодарил.

– Спасибо, старшая сестра, вы приняли мудрое решение. А теперь перейдем к нашим насущным проблемам. Как мне известно, операцию проводил сэр Джон, ему ассистировал мистер Томс, а доктор Робертс выполнял функции анестезиолога. Сэр Джон сам приготовил раствор для инъекции гиосцина и сделал укол.

– Да, сэр Джон всегда так поступает. Как я уже говорила, он очень скрупулезен.

– Замечательное качество. А укол против гангрены сделал доктор Томс. Шприц подала ему сестра Харден. Так?

– Да. Бедняга Харден. Она была чрезвычайно расстроена. Сэр Дерекс был другом ее семьи, старинной семьи из Дорсетшира.

– Вот как? Странное совпадение. А вскоре несчастная девушка потеряла сознание?

– Именно. Но, уверяю вас, во время операции она, как обычно, выполняла свою работу. – Голос Мэриголд дрогнул, словно она была не уверена в том, что сказала.

– Я слышал, что с инъекцией против гангрены произошла заминка?

– Всего на мгновение. Потом Харден призналась мне, что почувствовала слабость и пришлось минуту постоять, прежде чем принести шприц.

– Понятно. Вот несчастье. А инъекцию камфары делала сестра Бэнкс?

– Да. – Мэриголд поджала губы.

– И она же готовила сыворотку?

– Верно.

– Полагаю, мне необходимо поговорить с ней. Не надо, чтобы, кроме нас и этой мраморной дамы, о моих мыслях кто-то знал, но сестра Бэнкс меня тревожит.

– М-м-м... – потянула Мэриголд. – Неужели? Подумать только!

– Однако это мой долг, я обязан! Она в здании?

– Завтра сестра Бэнкс покидает нас. А сегодня, думаю, она в больнице.

– Бэнкс покидает вас? Она и вас пугает, старшая сестра.

Мэриголд недовольно надула губы.

– Она не из тех, кого я хотела бы видеть в качестве своего ассистента. Моя точка зрения такова: личные чувства и тем более политические взгляды не должны влиять на работу медицинской сестры.

– Я считал, что она исповедует высокие идеалы, – заметил Аллейн.

– Высокие идеалы! – усмехнулась Мэриголд. – Левацкие штучки! Она имела наглость заявить мне в операционной, что обрадовалась бы, если бы больной... – Она запнулась и смущенно опустила голову. – Нет, конечно, ничего такого Бэнкс не имела в виду. И все же...

– Совершенно верно. Некоторые из этих людей вам такого наговорят. С ее взглядами сам вид О'Каллагана был ей ненавистен.

– Как она посмела? – возмутилась Мэриголд.

– Вот и расскажите мне обо всем. – Аллейн почувствовал, что победа за ним.

И не ошибся: недолго поколебавшись, старшая сестра начала говорить.

Три медсестры

Вторник, шестнадцатое. День

Излияния сестры Мэриголд стали почти эпическим повествованием. Как только открывшиеся шлюзы дали выход ярости, признания полились полноводным потоком. Аллейн понял, что в глазах старшей сестры Бэнкс была убийцей. Прикрепленная к О'Каллагану сиделка сообщила ей, какое торжество испытала Бэнкс, узнав о смерти министра. А другая, которую прислали в операционную на подмену, потеряла голову и всем разболтала. Поначалу, руководимая, без сомнений, стремлением притушить назревающий в больнице скандал, Мэриголд решила говорить как можно меньше об этой несносной Бэнкс, но намек Аллейна, что под подозрение может попасть сэр Джон, его помощники и даже она сама, развязал ей язык. Она заявила, что Бэнкс была агентом врагов сэра Дерека. Аллейн давал ей возможность выговориться, не вмешиваясь в этот словесный поток. Оказалось, что у Мэриголд отличная память, и, осторожно задавая вопросы, он получил представление о череде событий во время и непосредственно перед операцией.

В операционной оставались Филиппс, она, Томс и, вероятно, одна из медсестер. Мистер Томс, по ее словам, вышел в предоперационную через несколько мгновений после того, как сэр Джон приготовил шприц для инъекции. Когда Мэриголд повторила все по два-три раза, Аллейн заметил, что с его стороны невежливо так надолго ее отвлекать от работы, и по-просил устроить встречу с прикрепленной к сэру Дереку сестрой-сиделкой и той, что прислали им на подмену, но предупредил, чтобы не разглашала результаты вскрытия.

Первой появилась подменная сестра. Она казалась встревоженной и не хотела отвечать на вопросы, но, успокоившись, повторила свой рассказ о том, как неприлично возликовала Бэнкс, узнав о смерти пациента. Вспомнила, что Бэнкс вечно надоедала коллегам, капая на мозги советскими байками. Но тут же нервно добавила, что Бэнкс была хорошей медсестрой и никогда не забывала о своих обязанностях по отношению к больному. Она перечислила выложенные на боковой столик перед операцией предметы: полная бутылка раствора гиосцина, ампула с антитоксином гангрены, шприцы, колба с дистиллированной водой. Сестра не сомневалась, что бутылка с раствором гиосцина была полна. Ей показалось, что затем из нее было использовано небольшое количество. Но сразу после операции она не смотрела на бутылку. Подтвердила то, что уже ранее сообщила старшая сестра: присланная на подмену все убрала и тщательно вычистила поверхность всех лотков. Старшая сестра – человек очень придирчивый. «Нет смысла в этом расследовании искать отпечатки пальцев», – со вздохом подумал Аллейн и, поблагодарив женщину, отпустил.

Следующей в комнату вошла личная сестра-сиделка О'Каллагана по фамилии Грэм. Тихо приблизилась, улыбнулась Аллейну, заложила руки за спину и ждала, что последует дальше. У нее были широко расставленные голубые глаза, полные, насмешливые губы, слегка выдающиеся вперед зубы и изящная фигура. От нее веяло спокойствием и деловитостью, что порадовало старшего инспектора.

– Присядьте, пожалуйста, – произнес он.

Медсестра, опустившись на стул, удобно устроилась и выжидательно замерла.

– Вы медсестра сэра Дерека? – начал Аллейн.

– Да.

– Сколько времени прошло до операции, с того момента как он поступил в больницу?

– Около часа. Его привезли вскоре после того, как я в пять часов заступила на дежурство. Операция началась без пятнадцати шесть.

– Сестра Грэм, не могли бы вы рассказать, что произошло в этот час, но так, словно в деталях описываете на бумаге.

Женщина несколько секунд серьезно смотрела на него.

– Постараюсь, – наконец проговорила она.

Аллейн достал блокнот. Медсестра беспокойно покосилась на него и начала:

– Вскоре после того как я заступила на дежурство, пришло сообщение, что сэра Дерек везут к нам, а меня назначили его сиделкой. Я встретила каталку, переложила сэра Дерек на кровать и подготовила к операции.

– Вы делали ему какие-нибудь уколы?

– Нет. От обычных в таких случаях морфия и атропина отказались. Вместо этого сэр Джон сделал инъекцию гиосцина.

– Понятно. Что дальше?

– Когда все это было выполнено, приехали леди О’Каллаган и сестра сэра Дерек. Мы завершили подготовку к операции, и их впустили в палату. В это время сэр Дерек находился в полусознательном состоянии.

– Продолжайте, сестра.

– Сначала я находилась вместе со всеми в палате. Леди О’Каллаган держалась прекрасно – спокойно, не нервировала больного. А вот мисс О’Каллаган выглядела расстроенной. Они сели около кровати. Я вышла переговорить с сэром Джоном, а когда вернулась, женщины беседовали между собой. Сэр Дерек лежал с закрытыми глазами, но на мгновение поднял веки и застонал. Видимо, в тот момент он находился в сознании, и мне показалось, будто ему плохо. Леди О’Каллаган вышла и с минуту о чем-то говорила с сэром Джоном. Затем мы все вернулись, и сэр Джон осмотрел больного. Пациенту как будто стало лучше, но я считаю, это оттого что он окончательно потерял сознание и находился в забытии. Сэр Джон диагностировал прободной аппендицит и предложил вызвать мистера Сомерсета Блэка, чтобы тот немедленно приступил к операции. Леди О’Каллаган попросила, чтобы он оперировал сам, и он в конце концов согласился. Я вывела леди О’Каллаган и мисс О’Каллаган из палаты.

Медсестра Грэм помолчала и очень серьезно по-смотрела на инспектора.

– Не происходило ли чего-нибудь до того, как они вышли в коридор? – спросил Аллейн.

– Вы имеете в виду?... Да, произошло... только, инспектор Аллейн, не придавайте этому большого значения. Я уверена: больной нисколько не сознавал, что говорит.

– И все-таки, что он сказал?

– Открыл глаза и произнес: «Нет... Не позволяйте», – а затем снова впал в бессознательное состояние.

– У вас есть какие-нибудь соображения, что он хотел сказать?

– Все, что угодно.

– Куда он при этом смотрел?

– На сэра Джона, который ближе всех находился к кровати.

– Как бы вы описали его взгляд? Просящий? Умоляющий? Какой?

– Нет... Напуганный. Но это ничего не означает. Он скорее выглядел как всякий пациент, которому вкололи наркотик – например, морфий. Характерный хмурый взгляд – я часто замечала такой у больных, когда на них начинал действовать наркотик.

– Но тем не менее вы мне сказали, что ничего подобного ему не кололи.

– Я не колола, – уточнила сестра Грэм.

– У вас странная интонация: вы сделали акцент на «я». О чем вы подумали?

Женщина смущенно поерзала и покраснела.

– Я об этом никому не говорила. Мне показалось рискованным распространяться о том, что не является непреложным фактом.

– Совершенно с вами согласен. Но, полагаю, мне вы должны сказать. Как-никак сэр Дерек О'Каллаган был убит. – Аллейн пристально посмотрел на медсестру. Она казалась пораженной и испуганной. Метнула на него быстрый взгляд, словно надеялась, что ослышалась. Старший инспектор выдержал небольшую паузу и продолжил: – Он получил смертельную дозу гиосцина. По крайней мере четверо могут попасть под подозрение. И тот инцидент, от которого вы стараетесь отмахнуться, может пролить свет на события и избавить от обвинений невиновного. Я слишком опытен в такого рода делах, чтобы делать поспешные выводы. Неужели вы считаете, что принесете кому-нибудь пользу, если станете держать меня в неведении?

– Наверное, нет.

– Позвольте, я вам помогу. Вы думаете, что некий человек дал что-то О'Каллагану – какой-то наркотик. Так?

– По его виду это можно было предположить. Однако прошло слишком мало времени, чтобы наркотик подействовал.

– Что произошло, когда вы вернулись к пациенту? Что вы обнаружили?

– Вы очень проникательны, – заметила медсестра. – Я вернулась и начала прибираться в палате. Больной как будто спал. Я приподняла его веко – оказалось, он без сознания. Зрачок не сократился. Я понимала, что морфия ему дать не могли. Затем заметила под стулом обрывок бумаги и подобрала – на нем был кусочек сломанного сургуча. Ничего этого под кроватью не было, когда сэр Дерек поступил в клинику.

– Вы его сохранили?

– Да. Поинтересовалась, не давали ли что-нибудь сэру Дереку, и положила бумажку в ящик его туалетного столика. Она должна находиться до сих пор там.

– Взгляну, если сумею, позднее. Кто сидел на этом стуле?

– Мисс О'Каллаган. – Отвечая, медсестра явно испытывала неловкость.

– Как долго мисс О'Каллаган оставалась наедине с больным? Три минуты? Пять?

– Думаю, минут пять.

– Вы не заметили чего-нибудь еще? Как, по-вашему, больной пил?

– Стаканом на прикроватном столике кто-то пользовался.

– Вы образцовый свидетель. Полагаю, стакан вымыли, как все остальное? Да, клиника – неподходящее место для охотников вроде меня. Не терзайтесь слишком по этому поводу. Вероятно, что все это никак не относится к делу. Но в любом случае было бы преступно скрывать подобные факты. Сознание, что поступил правильно, приносит утешение растрепанной душе.

– Не сказала бы этого о себе.

– Чепуха. А теперь будьте любезны, принесите мне тот кусочек бумаги и приведите сестру Бэнкс. Только не упоминайте, что произошло убийство. Кстати, что вы думаете о ее реакции на благую весть? Ведь она, как я понимаю, посчитала ее благой?

– Она идиотка, – неожиданно ответила Грэм, – но не убийца.

– Что конкретно она сказала?

– Что-то из Библии. Мол, нужно возблагодарить Всевышнего за то, что он поверг врагов наших.

– Удачный исход, – усмехнулся Аллейн. – Вот старая... Простите, сестра. Пошлите ко мне сестру Бэнкс. Но если услышите вопли, бегите меня спасать. У меня нет желания погибать у ног этой мраморной богини. Кстати, кто она? Анестезия?

– Понятия не имею. – Сестра Грэм вдруг широко улыбнулась.

Она вышла и вернулась с клочком бумаги, подобной тем, в которые аптекари заворачивают лекарства. По краям остались следы красного сургуча, а загибы свидетельствовали о том, что в бумагу заворачивали круглую коробочку. Аллейн вложил бумажку в свой блокнот.

- Сестра Бэнкс ждет, – сообщила Грэм.
- Спускайте с цепи! До свидания.
- До свидания, инспектор.

Бэнкс с вызывающим видом вошла и, отказавшись от стула, застыла на пороге. Аллейн из вежливости тоже не сел.

- Сестра Грэм, наверное, вам сказала, чем я здесь занимаюсь, – начал он.
- Да, что-то насчет Скотленд-Ярда, – усмехнулась Бэнкс. – Ничего не поняла из того, что она мне нагородила.

- Я расследую обстоятельства смерти сэра Дерекка О'Каллагана.
- На дознании я все рассказала.

Аллейн решил, что уловки в данном случае ни к чему.

- Вы не упомянули, что произошло убийство.

Ему показалось, что медсестра испугалась. Затем она глухо произнесла:

- Да неужели?
- Именно. Что вы об этом думаете?
- Почему вы считаете, что это было убийство?
- Вскрытие показало наличие в его органах не менее четверти грана гиосцина.
- Четверти грана! – повторила Бэнкс.

Старший инспектор вспомнил Филиппса. Ни хирург, ни медсестра не воскликнули, как можно было бы ожидать: «Как, гиосцин?» – а удивились количеству препарата.

- Вы знали, что такая доза способна убить человека?
- О да. Мистер Томс сказал... – Она осеклась.
- Что же сказал мистер Томс?

– Я слышала, как перед операцией он говорил, что четверть грана – смертельная для человека доза.

- Почему возникла данная тема?
- Не помню.
- Вы готовили инъекцию камфары и антитоксина гангрены?
- Да. Но не подмешивала гиосцин ни в тот, ни в другой раствор.
- Не сомневаюсь, что найдутся средства это доказать, – учтиво согласился старший

инспектор. – Разумеется, я буду это выяснять.

- Вам и карты в руки! – ошетилилась Бэнкс.
- Гиосцин готовил и колол сэр Джон?
- И что из того? Сэр Джон в операционной не отравил бы и злейшего врага.
- Я рад, что вы так считаете, – мягко заметил Аллейн. – Слышал, что вы восприняли

это печальное событие как ниспосланное провидением.

- Я агностик. Я сказала «если».
- «Если»?

- Восприняла бы именно так, если бы не была агностиком.

– О, – улыбнулся старший инспектор. – Замысловато, но я вас понял. Кто из членов вашей команды оставался в операционной один?

- Не помню.
- Вы сами оставались?
- Нет. Были Филиппс и Томс.
- Когда?

– Перед тем как стали мыться. Мы находились в предоперационной. Первым туда вышел Филиппс. За ним следом этот маленький придурок.

- Имеете в виду мистера Томса?
- Разве не ясно?

– Вы намерены сегодня вечером слушать Николаса Какарова?

Это был выстрел вслепую. Какаров собирался вечером выступить на большом митинге приверженцев Советов, и Скотленд-Ярд считал, что ненавязчивое присутствие полиции там не помешает. Сестра Бэнкс вздернула подбородок и обожгла инспектора взглядом.

– Почту за честь присутствовать там! – громко провозгласила она.

– Ай да приверженность! – в тон ей воскликнул Аллейн.

Видимо, воодушевленная воспоминаниями о прошлых митингах, сестра Бэнкс внезапно ощутила сильное желание высказаться.

– Можете улыбаться, – напустилась она на полицейского, – но это не надолго. Знаю я ваш тип: сыщик-джентльмен – последнее изобретение капиталистической системы. Вы добились всего благодаря связям, в то время как другие, куда лучше вас, совершают важную работу из сострадания к угнетенным. Когда наступит долгожданный рассвет, вы и вам подобные исчезнут. Считаете, что я убила Дерека О’Каллагана? Нет, я его не убивала. Но вот что я вам скажу: я была бы горда – слышите, я бы гордилась, – если бы это совершила я.

Сестра Бэнкс произнесла все это на одном дыхании, словно на какой-то нелепой декламации. Аллейн сразу представил, в какое смущение она приводит своих знакомых во время их обывательских чаепитий. Недаром же другие медсестры держались от нее подальше.

– Знаете что, – посоветовал старший инспектор, – я бы на вашем месте, пока еще рассвет не наступил, немного приутих. Или вы действительно стремитесь заполучить мученический венец, или ведете себя очень глупо. У вас была такая же возможность, как у других, впрыснуть министру гиосцин. А вы выкрикиваете прямо в мою капиталистическую физиономию, что у вас имелся мотив убить его. Я вам не угрожаю. Нет. В данный момент вам лучше ничего не говорить. Но когда с вас падут ризы господина Какарова, хорошо бы, чтобы вы сделали заявление. А до тех пор – простите меня за такое предложение – молчите. И еще: будьте любезны, передайте сестре Харден, что я готов с ней встретиться.

Аллейн открыл перед ней дверь. Медсестра секунду постояла, глядя куда-то поверх его головы, затем переступила порог и посмотрела на Аллейна в упор.

– Имейте в виду: ни Филиппс, ни Харден этого не делали. Филиппс – честный, добросовестный хирург, а Харден – честная, добросовестная медсестра. Оба они связаны профессиональной честью.

Сделав это категорическое заявление, Бэнкс удалилась, а Аллейн, склонив голову набок, открыл блокнот и невероятно четким, красивым почерком написал: «Томс – разговоры о гиосцине». Секунду поколебался и сделал приписку: «Ф. и Х. связаны профессиональной честью – так утверждает Б.». Поставив точку, он закрыл свой маленький блокнот, поднял голову и удивился: Джейн Харден вошла так тихо, что он не услышал, и теперь, сцепив пальцы, стояла перед ним и не сводила с него глаз. Еще на дознании Аллейн заметил, что она необыкновенно привлекательна. Теперь же, на фоне белого чепца, исключительная бледность ее лица не так бросалась в глаза. Джейн Харден была красива той особенной красотой, которая характерна для людей с тонкими чертами лица. Контуры лба и щек, чуть впалые виски и дуги бровей напоминали кисть Холбейна. Сами глаза были темно-серыми, нос прямым, небольшой рот со слегка опущенными книзу уголками казался одновременно чувственным и упрямым.

– Прошу прощения, – произнес Аллейн. – Я не слышал, как вы вошли. Пожалуйста, садитесь.

Он пододвинул один из уродливых стульев и повернул его к окну. Стало смеркаться, и потолок и углы комнаты погрузились в сумрак. Джейн Харден опустилась на сиденье и сжала подлокотники длинными пальцами, не покрасневшими даже от ухода за больными.

– Полагаю, вы понимаете, зачем я здесь?

– Из-за... уже есть результаты вскрытия? – Она говорила ровным голосом, но немного задыхаясь.

– Да, его убили. Передозировка гиосцина.

Джейн замерла.

– Начато расследование, – добавил Аллейн.

– Гиосцин, – прошептала она. – Гиосцин. Какая доза?

– По крайней мере четверть грана. Хотя сэр Джон, как он мне сказал, ввел одну сотую. Следовательно, кто-то добавил немногим больше пятой части грана. Точнее – шестьсот двадцать пятую часть. А вероятно, и больше. Не знаю, насколько можно верить результатам вскрытия – учтена ли каждая частица препарата.

– Я тоже не знаю, – сказала Джейн.

– У меня к вам несколько вопросов.

– Слушаю.

– Понимаю, что для вас все это чрезвычайно печально. Вы ведь лично знали сэра Дерека?

– Да.

– Мне ужасно неприятно вам докучать. Так что давайте покончим со всем как можно быстрее. Что касается инъекции антитоксина газовой гангрены... Когда операция подходила к концу, кто-то – сэр Джон или мистер Томс – попросил ее сделать. Вы направились к боковому столику, где нашли соответствующий шприц. Он был уже готов – приготовлен для использования. Так?

– Да.

– На дознании выяснилось, что вы немного замешкались. Почему?

– Там лежало два шприца. Я неважно себя почувствовала и не сразу сообразила, какой требуется. Бэнкс подсказала: «Большой», – и я подала его.

– Уж не потому ли вы замешкались, что у вас возникла мысль, что с этим большим шприцем не все в порядке?

Его предположение сильно напугало медсестру. Джейн нервно пошевелила руками и воскликнула:

– Нет-нет! Почему вы так решили?

– Шприц для инъекции готовила сестра Бэнкс?

– Да.

Аллейн с минуту помолчал, затем поднялся и подошел к окну. Оттуда, где сидела Джейн, его профиль казался черным, словно силуэт с размытыми краями. Инспектор посмотрел на темнеющие крыши домов. Тот, кто видел, как он повел плечами, мог решить, что полицейский испытывает к чему-то отвращение. Он сунул руки в карманы брюк и круто повернулся. Черты лица оставались в тени, но сам он возвышался громадой на фоне желтоватого света из окна.

– Насколько хорошо вы знали сэра Дерека? – внезапно спросил Аллейн, и его голос прозвучал невыразительно в этом тесно заставленном помещении.

– Довольно близко, – ответила Джейн после паузы.

– Интимно?

– Не понимаю, о чем вы.

– Вы часто встречались – я имею в виду как друзья?

Джейн посмотрела в темное лицо полицейского; ее же, освещаемое желтоватым светом из окна, выглядело хрупким и загадочным.

– Иногда.

– А в последнее время?

– Нет. Не понимаю, какое отношение имеет мое знакомство с сэром Дерекком к его смерти.

– Почему вы упали в обморок?

– Я... я плохо себя почувствовала. Переутомилась.

– А не потому ли, что вашим пациентом оказался знакомый? Не потому ли, что сэр Дерек серьезно заболел?

– Это меня, естественно, расстроило.

– Вы когда-нибудь ему писали?

Джейн, казалось, вжалась в спинку кресла, словно Аллейн ее ударил.

– Вы можете не отвечать на мои вопросы, если считаете, что этого не следует делать, – заметил старший инспектор. – Но я, конечно, обращусь за информацией к другим.

– Я не совершила ничего такого, что могло бы ему повредить, – громко объявила медсестра.

– Так писали или нет? В этом заключался мой вопрос.

Джейн долго молчала и наконец пробормотала:

– Да.

– Как часто?

– Не помню.

– А недавно писали?

– Совсем недавно.

– Письма с угрозами?

Она оглядывалась по сторонам, словно опасаясь сгущавшихся сумерек.

– Нет.

Инспектор заметил, что в ее глазах мелькнул ужас. Он привык к такому взгляду, но поскольку был человеком по-своему чувствительным, так и не сумел смириться с тем, что наводил на людей страх.

– Думаю, будет лучше, – медленно проговорил он, – если вы мне расскажете все от начала до конца. Нет необходимости объяснять, что вы одна из тех, на кого мы обязаны обратить особое внимание. Ваше присутствие в операционной вводит вас в круг этих лиц. И я, естественно, жду объяснений.

– Я считала, вы поймете, какое я испытала горе, – прошептала Джейн. – Я любила его. – Ее щеки превратились из бледных в болезненно-пунцовые.

– Это я понимаю, – бросил Аллейн, – и прошу простить за то, что трагические обстоятельства заставляют меня вторгаться в такие чувствительные материи. Постарайтесь увидеть во мне нечто вроде автомата – вещь неприятную, но безликую. Сумеете?

– Что ж, попробую.

– Спасибо. Было ли в ваших отношениях с сэром Дерекком нечто иное, кроме дружбы? Джейн сделала едва заметное движение рукой.

– Нет. – Она помолчала и добавила: – Ничего такого.

– Может, вы хотели сказать: «Теперь ничего такого»? А раньше все-таки что-то было? Вы признались, что писали сэру Дерекку. Не завершили ли эти письма период вашей дружбы?

– Наверное.

«Было два письма. Интересно, что случилось с первым?» – подумал Аллейн.

– Как я понимаю, – произнес он вслух, – вы знали сэра Дерекка в течение некоторого времени. Старинная семейная дружба. Недавно дружба переросла в более тесную связь. Когда это случилось?

– В июне. Три месяца назад.

– И она продолжалась... Как долго она продолжалась?

Руки медсестры потянулись к лицу. Словно устыдившись своего жалобного жеста, она отдернула их и, повысив голос, четко произнесла:

– Три дня.

– Ясно, – кивнул старший инспектор. – Тогда вы видели его в последний раз?

– Да. До операции.

– Вы ссорились?

– Нет.

– Ни разу?

– Ни разу. – Джейн склонила голову и заговорила быстро-быстро: – Все было по общему согласию. Люди поднимают столько шума по поводу секса, хотя это всего лишь обычный физиологический опыт, как утоление голода или жажды. Надо разумно удовлетворять свои потребности наиболее рациональным и естественным путем. Что мы и сделали. Больше встречаться не было надобности. Мы провели опыт, и с этим покончено.

– Бедная девочка! – вырвалось у Аллейна.

– Что вы хотите сказать?

– Вы выпалили это словно зазубрили по учебнику. «Первые шаги в сексе», «О дивный новый мир!», как сказали бы Миранда и господин Хаксли. А по рецепту-то не получилось.

– Очень даже получилось.

– В таком случае зачем вы написали те письма?

Рот Джейн невольно приоткрылся. Она показалась смехотворно жалкой, потеряв на мгновение всю свою привлекательность.

– Вы их видели? Вы их...

– Да.

Джейн как-то странно всхлипнула и потянулась руками к воротнику формы медсестры, словно он ее душил.

– Поймите, – продолжил Аллейн, – самое лучшее – рассказать мне правду.

Она горько расплакалась.

– Простите, ничего не могу поделать. Все так ужасно – не в состоянии совладать с собой.

Аллейн снова повернулся к свету.

– Все в порядке, – сказал он. – Не обращайтесь на меня внимания. Не забывайте: я всего лишь автомат.

Она быстро взяла себя в руки, еще пару раз всхлипнула, а затем послышался шелест материи, будто Джейн сделала порывистое движение.

– Мне уже лучше, – пробормотала она.

Когда старший инспектор обернулся, Джейн Харден сидела и смотрела на него, словно их разговор не прерывался.

– Осталось совсем немного, – учтиво и по-деловому произнес он. – Никто вас ни в чем не обвиняет. Меня интересует, как проходила операция. Итак, вы не видели сэра Дерека с июня до того момента, когда его привезли в операционную. Помимо двух писем, вы никак иначе с ним не общались. Хорошо. Следовательно, единственный эпизод – когда вы взяли шприц с сывороткой против гангрены. Замешкались. Вам стало дурно. Вы уверены, что взяли тот шприц, который требовался?

– Да. Он был больше других.

– Прекрасно. Теперь, если получится, попробую обобщить. Как я понимаю, на столе находились сосуд, бутылочка или колбочка, с сывороткой...

– Она была в ампуле! – перебила Джейн инспектора.

– Хорошо, в ампуле. Потом какая-то емкость, пробирка или что-то еще, с гиосцином. Не могли вы, чувствуя себя плохо, взять вместо сыворотки гиосцин?

– Как вы не понимаете? – Джейн стала терять терпение. – Инъекция была приготовлена заранее.

– Так меня и проинформировали, но я хотел получить подтверждение. Вот, например, вы убеждены, что не вылили содержимое шприца и не наполнили его другим составом?

– Абсолютно убеждена.

– Вы помните, как брали шприц? Не могло случиться так, что, совсем расклеившись, вы взяли его как бы на ощупь?

На сей раз Аллейн попал в цель, и на лице Джейн Харден опять появился испуг.

– Да, я плохо себя чувствовала, но знаю, точно знаю, что не совершала ошибки.

– Ладно. За вами кто-нибудь наблюдал? – В этот момент он сам за ней пристально наблюдал. На улице стемнело, но тусклый свет из окна все еще освещал ее лицо.

– Наверное. Должны были. Я не заметила.

– Мне говорили, что мистер Томс жаловался на задержку. Может, он обернулся и посмотрел, что вы делаете?

– Он всегда смотрит. Прошу прощения, это не имеет отношения к тому, что вы расследуете.

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что у мистера Томса вообще неприятная привычка глазеть на других.

– Вы, случайно, не заметили, сколько раствора гиосцина было до операции в пузырьке? Джейн немного подумала.

– Кажется, он был полный.

– С тех пор этим составом пользовались?

– Один раз.

Аллейн резко отвернулся от окна, нащупал выключатель и зажег свет. Джейн поднялась. Ее руки дрожали, на лице остались следы слез.

– На этом все. Взбодритесь, сестра Харден.

– Постараюсь.

Инспектор открыл перед ней дверь. Джейн задержалась на пороге и посмотрела на него, будто хотела что-то сказать, но затем, не произнеся ни слова, вышла из комнаты.

Проводив ее, Аллейн некоторое время, не двигаясь, смотрел на противоположную стену, а поймав взглядом свое отражение в богато украшенном зеркале, соорудил себе кривую мину.

– Черт бы все побрал!

Томс в операционной

Вторник, шестнадцатое. День

В операционную Аллейна провел мистер Томс. Расставшись с Джейн, инспектор вышел в коридор и наткнулся на плотного, приземистого ассистента хирурга. Аллейн объяснил ему, кто он, и Томс немедленно принял выражение чрезвычайной серьезности, отчего стал похож на клоуна в пародийно-трагической маске.

– Вот как! А вы не по поводу смерти сэра Дерека О’Каллагана?

– Да. Его убили, – устало ответил Аллейн.

Томс возбужденно забормотал что-то, но инспектор поднял худощавую руку и объяснил:

– Гиосцин. Почти четверть грана. Преднамеренное убийство.

– Ого! – воскликнул хирург.

– То-то и оно, что «ого!». Я только что закончил надоедать медицинским сестрам и хотел бы осмотреть операционный зал. «Операционный зал» – кстати, подобное сочетание слов мне раньше не приходило в голову.

– Осмотреть зал? – повторил хирург. – Да, конечно. Прошу сюда. Операционная сейчас свободна. Сэр Джон ушел. Если хотите, я вас проведу.

– Будьте любезны, – кивнул Аллейн.

Томс показывал дорогу и непрерывно болтал.

– Ничего подобного не слыхивал. Черт возьми, грязное дело. Господи, надеюсь, вы не подозреваете, будто я впрыснул несчастному наркотик? Я так понимаю, раз полицейские проводили дознание, у них есть про запас какой-то козырь. Как же иначе? Теперь вот сюда. Это предоперационная, где мы моемся и одеваемся для работы. Там наркозная палата. А операционная тут.

Он толкнул створку двустворчатой двери.

– Секунду, – произнес Аллейн. – Расскажите, как все происходило. Здесь вы с коллегами собрались перед началом операции?

– Да. Мы с сэром Джоном пришли вместе. Затем на минуту заглянул доктор Робертс и удалился в наркозную палату, куда к нему привезли пациента.

– Кто еще был здесь в то время?

– Вы имеете в виду, с сэром Филиппсом и со мной? Сестра-хозяйка Мэриголд, вы ее знаете. Она одновременно является старшей хирургической сестрой. Клиника у нас маленькая, но наша старушенция Мэриголд воображает, будто на операциях она незаменима. Еще... дайте вспомнить... Еще болтались две другие сестры. Эта, как ее... ну, в общем, большевичка. И другая смазливая девчушка, которая грохнулась в обморок, – Харден.

– О чем вы говорили?

– О чем? У Томса была привычка принимать изумленный вид, когда ему задают простейшие вопросы, словно любой из них заставлял его врасплох. Врач выпучил глаза, приоткрыл рот и, к досаде инспектора, грубовато хохотнув, еще раз переспросил: – О чем? Сейчас вспомню. Я спросил сэра Джона, не видел ли он спектакля, который дают на этой неделе в «Палладиуме», и... – Он запнулся и покосился на инспектора.

– И что?

– Он ответил, что не видел. – Хирург выглядел комически смущенным, словно чуть не сказал нечто неприличное.

– Я сам пропустил на этой неделе «Палладиум», – заметил инспектор. – Хотя мне говорили, что представление выдающееся.

– Ясно... – пробормотал Томс. – Недурное. А вообще-то мура.

– Значит, сэр Джон его не видел? – как бы между прочим уточнил Аллейн.

– Нет, не видел.

– Вы обсуждали какую-то конкретную часть представления?

– Нет, поговорили вообще о спектакле.

Возникла долгая пауза, и, пока мужчины молчали, Томс едва слышно насвистывал.

– Случалось, чтобы кто-либо из членов хирургической бригады оставался в этом помещении один?

– Дайте подумать, – нахмурился Томс. – Нет. Насколько могу припомнить, нет. Мы находились тут все вместе. Потом одна из сестер проводила Робертса в наркозную палату. Здесь остался сэр Джон, две сестры и я. Мы с Мэриголд отправились в операционную проверить, все ли готово. Сэр Джон оставался здесь с молодой сестрой – той, смазливенькой. Когда я вернулся, они были оба тут. Затем мы с Робертсом мылись, а сэр Джон пошел в операционную готовить инъекцию гиосцина. Он всегда готовит и делает этот укол сам. Странная привычка. Хирурги обычно оставляют подобные уколы анестезиологу. Разумеется, в данном случае приходилось сильно спешить. Больной не получил ни обычного морфия, ни атропина. Так, что там было дальше? Женщины болтались рядом. Бэнкс спросила меня, почему сэр Джон не пользуется готовым раствором гиосцина.

– И почему же?

– Ну... полагаю, хочет быть уверенным в дозе.

– Продолжайте.

– Я пришел в операционную.

– Где присоединились к Филиппсу?

– Да. Он, как мне помнится, как раз растворял в воде таблетку гиосцина.

– Вы заметили небольшую колбочку? Сколько таблеток в ней оставалось? Поймите, я просто хочу проверить.

– Конечно. Это, собственно говоря, пробирка. В ней, если не заглянуть внутрь, не увидишь, сколько осталось таблеток. Должно быть, девятнадцать, поскольку она была только что распечатана.

– Откуда вам это известно, мистер Томс?

– Я видел у сэра Джона две пробирки. Он сказал, что одна оказалась пустой, поэтому пришлось распечатать другую.

– Что произошло с первой – пустой?

– Понятия не имею. Скорее всего выбросили. А как вас зовут?

– Аллейн.

– Так вот, Аллейн, мне кажется, вы придаете слишком большое значение второй пробирке. Все очень просто. У Филиппса в коробочке для инъекций находилось две пробирки. Перед прошлой операцией он израсходовал из одной последнюю таблетку, но в памяти у него это не отложилось. Ничего необычного.

– Ясно. Я задаю вопросы только в плане проверки.

– Да. Но...

– Мне приходится учитывать каждый шаг в игре. В голове полная каша. Единственный выход: пытаться заучивать все, как урок. Вы помните, что было сказано в тот момент?

– Ну... я пошутил насчет пробирок: мол, он настолько ценит сэра Дерека, что приготовил для него не одну, а целых две. Потом заметил, что он льет много воды.

– Это его не огорчило?

– Господи! Конечно, нет! Сэр Джон всегда держится высокомерно. Я хочу сказать, за ним не заржавеет поставить меня на место, чтобы я заткнулся. Он начисто лишен того, что я называю чувством юмора.

– Вот как? Вы вышли вместе?

– Да. Я – в предоперационную, а он – в наркозную палату, чтобы сделать укол. Я вышел первым.

– Уверены, мистер Томс?

– Да. – Хирург сделал огромные глаза. – А что?

– Просто хочу восстановить порядок событий. А теперь давайте взглянем на операционную. Не возражаете?

Томс толкнул створку двери, старший инспектор двинулся за ним.

Операционная была невероятно опрятной – средоточием кафельной плитки, хромированной и белой эмали. Томс повернул выключатель, и на мгновение мощный блок ламп пролил на пустую поверхность стола усеченный конус света. Операционная ожила, словно чего-то ждала. Хирург погасил главный светильник, и вместо него зажегся на стене другой – слабенький, над боковым столом на резиновых колесиках.

– Здесь все так, как перед операцией? – спросил Аллейн. – Все на своих местах?

– Вроде бы так. Да.

– Каким образом лежит больной?

– Головой сюда. По направлению на восток, ха-ха!

– Понятно. А рядом со столом, наверное, стоит каталка?

– Ее увозят, как только переложат больного.

– А шприцы выкладывают вот на тот боковой стол у окна?

– Да.

– Вы можете показать, где в тот раз стоял каждый из вас, когда производились инъекции? Я нарисую что-то вроде плана. На память полагаться безнадежно. Черт! Куда подевался карандаш?

Аллейн открыл блокнот и достал из кармана небольшую рулетку. Вымерил пол и нарисовал миниатюрный план, на котором обозначил место расположения двух столов, а Томс показывал ему, где находились врачи и медсестры.

– Сэр Джон стоял примерно на середине боковины стола, а я – по другую сторону напротив. Мэриголд топталась здесь, а две других сестры перемещались туда-сюда.

– Укажите, где каждый из членов группы находился в течение операции.

– Хирурги и анестезиолог там, где я показал. Мэриголд справа от сэра Джона, а две другие сестры – на заднем плане.

– А когда вводили камфару?

– На своих местах, кроме большевички, делавшей укол. Она приблизилась сюда – к руке больного.

– Вы видели, как сестра Бэнкс делает укол?

– Нет, не заметил. Во всяком случае, ее рук я не видел – их скрывал небольшой экран на груди пациента.

– Если позволите, позже на него взгляну. А теперь об инъекции антитоксина газовой гангрены.

– Укол был сделан, после того как сэр Джон зашил прооперированного. Я обработал рану и попросил сыворотку. Обругал девицу по первое число за то, что она заставила меня ждать. И пожалел о своей грубости, когда через две минуты она хлопнулась в обморок. Что дальше? Я стоял здесь, у стола, сэр Джон – напротив. Мэриголд обошла стол и оказалась на моей стороне. Роберт и Бэнкс – если ее так зовут – суежились над больным, а Робертс еще ныл, что у сэра Дерекса нехороший пульс. Они оба находились со стороны головы пациента.

– Я нанесу позиции на план, а позже, вероятно, попрошу вас реконструировать ход операции. Полагаю, у вас не возникло сомнений, что вы воспользовались тем шприцем, которым нужно?

– Абсолютно никаких. Шприц был в полном порядке.

– Наблюдались ли заметные изменения в состоянии больного после инъекции?

– Об этом надо спросить у Робертса. Думаю, его встревожило состояние пациента за некоторое время до того, как я сделал укол. Вспомните, это он потребовал, чтобы сэру Дереку вкололи камфару. Вы можете решить, будто я хочу заострить на этом внимание. Что ж, инспектор, так оно и есть. На мой взгляд, инъекция сыворотки – опасный для меня поворот. Но не я готовил состав и вряд ли сумел бы спрятать шприц в рукаве и извлечь другой из-за левого уха. Согласны? Мог или нет? Ха-ха-ха!

– Давайте-ка взглянем на шприц, тогда и решим, – невозмутимо ответил Аллейн.

Хирург подошел к одной из полок и вернулся со шприцем, при виде которого у инспектора вырвался возглас ужаса.

– Господи помилуй! Томс, вы что, лошадиный барышник? Не хотите же вы сказать, что втыкали в несчастного эту страшную штуковину? Она же размером с огнетушитель!

Томс посмотрел на него и разразился смехом.

– Он ничего не почувствовал. Да, мы именно этим его кололи. Теперь понимаете: такой ловкостью рук не подменишь.

– Ваша правда! Уберите скорее. От его вида мне становится дурно. Гадкий, отвратительный, непристойный инструмент!

Хирург шаловливо кинул шприц Аллейну, тот поймал и, держа на вытянутой руке и тихонько ворча от отвращения, стал рассматривать.

– А вот тот, который мы использовали для других двух уколов, – объяснил Томс и, покопавшись в груди инструментов, извлек более знакомый непосвященным шприц для подкожных инъекций.

– Тоже не из приятных, но хотя бы не до такой степени. Им воспользовался доктор Робертс?

– Да... хотя нет. Инъекцию камфары сделала сестра.

– Это обычная практика?

– В порядке вещей. Как правило, такие уколы выполняют анестезиологи, но Робертс мог вполне по-просить сделать инъекцию сестру.

– Эта игла мне кажется довольно хрупкой. Полагаю, вы не переносите готовые к употреблению шприцы с места на место?

– Господи, с какой стати? Их заранее наполняют необходимым составом и выкладывают в операционной.

– Будьте любезны, наполните мне такой.

Аллейн подал хирургу маленький шприц. Тот налил в мерную мензурку немного воды, опустил в нее иглу и потянул назад поршень.

– Вот так. Если используется таблетка, полшприца выливают в склянку, растворяют лекарство и снова втягивают в шприц.

– Таким образом, вся операция занимает несколько секунд?

– Ну... таблетке требуется некоторое время, чтобы раствориться. В случае камфары и сыворотки состав был приготовлен заранее.

– Ясно. Можно посмотреть бутылку, в которой хранится сыворотка?

– Сыворотка хранится не в бутылках, а в ампулах строго определенного объема, которые потом выбрасываются. В операционной не допускается никакой небрежности. Если угодно, продемонстрирую вам, как все происходит.

– Вы очень любезны, мистер Томс. Боюсь, я показался вам несносным занудой и надоел.

Хирург принялся протестовать и, заявив, что гость его несколько не утомил, удалился. А Аллейн, пока толстяк не вернулся, задумчиво прохаживался по операционной.

– Вот, – показал улыбающийся Томс. – Ампулы с маслом и камфарой. Эта с антитоксическим гангрены. А это бутылка с раствором гиосцина. Все, как вы видите, снабжено ярлыками. Хотите, разложу на столе так, как требуется для операции?

– Да.

– Смотрите: ампулы здесь, сыворотка там. Тут бутылка с раствором гиосцина. Я решил, что ее вам тоже полезно увидеть. Работаем по старинке – лучше бы иметь раствор гиосцина в ампулах, но наша старшая сестра что-то вроде ископаемого.

– Я смотрю, бутылка почти полная.

– На мой взгляд, из нее взяли на одну инъекцию.

Аллейн отметил, что это совпадает с мнением Харден и той сестры, что прислали бригаде на подмену. Они заявили, что до операции бутылка была полной, но потом в ней поубавилось раствора как раз на один укол.

– К этой бутылке кто-нибудь имеет доступ? – неожиданно спросил инспектор.

– Что? Ах да... любой, кто работает в операционной.

– Отлейте мне немного, чтобы я отдал на анализ. – Аллейн достал из кармана маленький флакон, и Томс с озадаченным видом налил в него раствор.

– Полный. Так на чем мы остановились? Здесь один маленький шприц для инъекции камфары, а этот маленький – для гиосцина. Они вмещают каждый по двадцать пять минимов. Такой сэр Джон использовал для своей таблетки. А сюда положим громадину для сыворотки. В него влезает десять кубиков.

– Десять кубиков?

– Кубических сантиметров. Примерно сто шестьдесят минимов, – объяснил хирург.

– А сколько это в галлонах?

Томс посмотрел на инспектора так, словно тот задал вопрос по-китайски, и расхохотался.

– Ну, не настолько объемно. Сто шестьдесят минимов равняется двум с двумя третями драхам. Ну что? Ведь это ясно как божий день.

– Не вполне, – возразил Аллейн. – Но надеюсь, что рассвет все-таки наступит. Вот я уже заговорил языком сестры Бэнкс. Какова крепость этого гиосцина?

– Четверть процента.

– И что это означает? На это дело должны были послать кого-нибудь поумнее, чем я.

– Не тушуйтесь. Это означает: один гран в одной и одной десятой унции воды.

– Вот это уже что-то. Надо поглядеть маленькие таблички, которые печатают в конце учебников по арифметике. Секунду. Прошу вас, мистер Томс, не говорите ни слова. Буду делать подсчеты.

Аллейн наморщился и стал проделывать какие-то невероятные трюки пальцами.

– Четверть в одном... нет, не пойдет. Не так. Фу-ты! Подождите-ка... – Инспектор вдруг широко открыл глаза и быстро-быстро заговорил: – Шприц на двадцать пять минимов содержит двадцатую долю грана гиосцина. А лошадиный насос – одиннадцать тридцать вторых грана. Вот! – закончил он гордо.

– Совершенно верно! – обрадовался Томс и хлопнул инспектора по спине. – Хвалю!

– Это еще что! Я могу и лучше. Одиннадцать тридцать вторых – это на три тридцать вторых больше четверти, в которой всего восемь тридцать вторых. Ну как?

– Блестяще! Но я не очень понимаю, какая польза от подобных расчетов.

– Не понимаете? – удивился Аллейн. – А мне секунду назад они казались очень важными, но мысль куда-то улетучилась. Просто запишу, на всякий случай.

Томс с любопытством посмотрел через его плечо на крохотные каракули.

– Плохо вижу, – пожаловался инспектор и отошел к свету.

Хирург за ним не пошел, и поэтому не видел последней записи: «Большой шприц вмещает немного больше гиосцина, чем количество, обнаруженное во время вскрытия». Аллейн аккуратно закрыл блокнот и опустил в карман.

– Тысяча благодарностей, мистер Томс, – произнес он. – Вы очень облегчили работу. Сегодня мне осталось повидаться всего с одним человеком, с доктором Робертсом. Не подскажете, где его найти?

– Как вам известно, он у нас не постоянный анестезиолог. Довольно часто замещает доктора Грея. И здесь с того случая не появлялся. Думаю, в этот час его лучше искать по домашнему адресу. Хотите, я ему по-звоню?

– Вы чрезвычайно любезны. Где он живет?

– Не в курсе. Его зовут Теодор. Знаю, потому что слышал, как Грей звал его Дора. Дора! – Томс громко рассмеялся и направился к черной нише с телефоном внутри. Зажег свет и сверился со справочником. – Так: Роберт, Робертс, еще один Робертс. А вот доктор Теодор Робертс, Уигмор-стрит. Тот, кто вам нужен.

Томс набрал номер. Аллейн терпеливо ждал, прислонившись к двери.

– Алло! Это дом доктора Робертса? Он на месте? Спросите, сумеет ли он принять инспектора... – Хирург закрыл ладонью трубку и повернулся к полицейскому. – Аллейн? Так? Да-да, спросите, сумеет ли он принять инспектора Аллейна, если он сейчас к нему приедет. – Томс посмотрел на полицейского. – Он дома; полагаю, все устроится. Алло, Робертс? Говорит Томс. Со мной инспектор Аллейн, он приехал по делу О'Каллагана. Они нашли гиосцин, четверть грана. Потрясающе! Что? Не знаю. Да, конечно. Да не волнуйтесь вы так – вас не собираются арестовывать. Ха-ха! Что? Думаю, минут через двадцать. Только смотрите, приятель, не расколитесь. Ну, бывайте!

Хирург повесил трубку, взял Аллейна под локоть и прошелся с ним до входной двери.

– Старина Робертс совсем вне себя. Понес бог знает что. Дайте знать, если смогу вам еще чем-нибудь помочь.

– Непременно. Большое спасибо. Доброго вам вечера.

– Доброго вечера. Приготовьте для Робертса наручники. Ха-ха!

– Ха-ха! – отозвался Аллейн. – До свидания.

Анестезиолог

Вторник, шестнадцатое. Конец дня и вечер

Робертс жил в небольшом уютном домике с красной дверью на Уигмор-стрит. Маленький, энергичный, под стать дому слуга провел Аллейна в кабинет-гостиную со светло-зелеными стенами, книжными полками, блестящими ситцевыми шторами и удобными креслами. Над камином висело превосходное полотно, изображающее множество маленьких фигурок людей, катающихся на коньках по озеру, окруженному рождественскими елями. В очаге потрескивали дрова. На столе рядом с книжным шкафом лежала стопка исписанных листов, придавленных старым, казавшимся деревянным стетоскопом, который так забавлял Томса.

Оценив по достоинству картину, Аллейн подошел к книжному шкафу и обнаружил в нем впечатляющее собрание современных романов, вызвавшее зависть издание Шекспира и несколько работ по проблемам наследственности, евгеники и психоанализу. Среди других стоял солидный том «Девальвированное поколение» Теодора Робертса. Инспектор снял его с полки и просмотрел оглавление. Книга представляла собой сборник докладов по вопросам наследственных заболеваний, которые Робертс, видимо, читал на заседаниях Международного конгресса по евгенике и сексуальной реформе.

Аллейн был еще поглощен этим вещественным свидетельством научного усердия хозяина дома, когда появился сам автор.

– Судя по всему, вы инспектор Аллейн, – произнес анестезиолог.

Полицейский еле удержался, чтобы не ответить: «А вы, надо полагать, доктор Робертс?» Он закрыл книгу, которую листал, и шагнул к врачу. Анестезиолог робко покосился на инспектора, затем взглянул на книгу в его руке.

– Да, доктор Робертс, – кивнул Аллейн. – Вы поймали меня с поличным. Никогда не могу удержаться, чтобы не снять с полки книгу. Меня очень заинтересовало, о чем пишете вы.

– Да, – протянул анестезиолог. – Это важные проблемы. Прошу вас, садитесь.

– Благодарю. Проблемы наследственности обладают особенной притягательностью даже для такого профана, как я. Однако я пришел не для того, чтобы демонстрировать свою неосведомленность в вашей сфере, а для заполнения кое-каких белых пятен в своей. Речь идет о Дерекке О'Каллагане.

– Я был чрезвычайно расстроен, узнав о результатах вскрытия, – сухо промолвил Робертс. – Какое несчастье, ужасно, невосполнимая потеря. – Он нервно повел руками, судорожно втянул воздух и поспешно добавил: – Разумеется, у меня есть свои причины расстраиваться. В качестве анестезиолога на операции я должен был раньше заметить, что все идет не так. Его состояние меня беспокоило почти с самого начала, и я говорил об этом сэру Джону и Томсу.

– Что они вам ответили?

– Сэр Джон занялся своей работой, а мне, после того как каким-то образом прокомментировал мой доклад, предоставил заниматься моей. Как отреагировал Томс, я вообще не помню. Инспектор Аллейн, я надеюсь, вам удастся избавить сэра Джона от подо-зрений. Любое сомнение в этой связи совершенно немыслимо.

– Уверен, что сумею прояснить его роль в ходе положенного расследования. И рассчитываю, что вы мне в этом поможете, доктор Робертс.

– Буду рад содействовать. И не скрою, что эгоистично тревожусь о себе самом.

– Вы не делали никаких уколов?

– Нет. Сообщаю это с облегчением.

– Как так получилось? Я считал, что в обязанности анестезиолога входит введение камфары и гиосцина.

Робертс несколько мгновений не отвечал – он сидел и смотрел на инспектора со странно беспомощным выражением на нервном лице. Аллейн заметил, что как только он обращался к врачу, тот едва удерживался, чтобы не поморщиться. И теперь тоже поджал губы и неподвижно распрямился в кресле.

– Я никогда не делаю инъекций, – объяснил Робертс. – У меня на это есть личная причина.

– Не изволите ли назвать эту причину? То, что вы не делали уколов, – важный факт, свидетельствующий в вашу пользу. Вы не видели больного в сознательном состоянии, и, называя вещи своими именами, вряд ли смогли бы влить гиосцин ему в горло, без того чтобы кто-нибудь не заметил, что вы задумали.

– Много лет назад я вводил больному морфий и допустил передозировку. В результате моей халатности пациент умер. С тех пор я не могу заставить себя взять в руки шприц. Психологически мое поведение можно расценить как слабость и признак болезненного состояния. Я должен был преодолеть себя, но не сумел. В течение некоторого времени я даже не мог заставить себя выполнять функции анестезиолога. Но затем меня пригласили на срочную операцию в связи с заболеванием сердца и она прошла успешно. – Робертс показал Аллейну свой стетоскоп и рассказал его историю: – Инструмент представляет собой интересный эксперимент в области психологии. Я начал отмечать на нем все мои удачно завершившиеся случаи лечения болезней сердца. Это мне здорово помогло, но уколы так и не дались. Вероятно, в будущем сумею пересилить себя. Сэр Джон в курсе этой моей... особенности. Я рассказал о ней в первый же раз, когда давал наркоз его пациенту. Это произошло некоторое время назад в частном доме. Он был очень внимателен и все запомнил. Впрочем, я знаю, что инъекцию гиосцина он всегда предпочитает делать сам.

Странно было наблюдать, как Робертс, побледневший и заметно расстроенный своим признанием, так и не смог оставить манеру изъясняться сухим, официальным слогом.

– Большое спасибо, доктор Робертс, – вежливо произнес Аллейн. – Мы можем больше не волноваться по этому поводу. Вы сказали, что с самого начала были встревожены состоянием сэра Дерека? Можете охарактеризовать это состояние как имеющее признаки отравления гиосцином?

– Я это обдумываю с тех пор, как мне позвонил Томс. И пришел к выводу, что, пожалуй, можно. Разумеется, в свете того, что показало вскрытие, есть соблазн соотнести одно с другим, не вдаваясь в подробности.

– Вы наблюдали явное изменение в состоянии больного или одни и те же симптомы постоянно нарастали, если я могу так выразиться?

– Во время первого осмотра в наркозной палате его пульс уже был очень медленным. И в течение операции состояние становилось все более угрожающим.

– Уточню свою мысль: наступил ли такой момент, когда произошел резкий перелом, или наблюдалось постепенное изменение состояния?

– Да. Симптомы, пожалуй, заметно усилились после того, как сэр Джон сделал первый разрез.

– То есть после того, как он ввел больному гиосцин?

Робертс покосился на него.

– Да, это так. Но даже такая маленькая доза – сэр Джон ввел приблизительно около одной сотой грана – должна была ухудшить состояние больного, если он уже до этого получил гиосцин.

– Совершенно справедливо, – согласился Аллейн. – Очень важная мысль. Должен ли я понимать, доктор Робертс, что, по вашему мнению, гиосцин – в смертельной дозе – каким-то образом попал в организм пациента перед операцией?

– Да. – Робертс нервно моргнул. Своей привычкой моргать два раза подряд он напоминал Аллейну нервного, взвинченного подростка. – Сознаю, инспектор, – с тревогой продолжил он, – мне было бы выгоднее сказать, что пациент получил смертельную дозу гиосцина на операционном столе, но считаю это неправильным.

– Повторю свою традиционную избитую фразу: невиновному всегда выгоднее говорить правду, – успокоил Аллейн. – Если хотите знать, по-моему, две трети осложнений в расследовании тяжких преступлений возникает, когда невиновные лгут и сочиняют всякую ерунду.

– Вот как? Значит, возможность самоубийства исключается?

– Да. Зачем? Каким образом? Где мотив?

– Общепринятый мотив совсем не обязателен. – Робертс помолчал, а затем произнес: – Если я начну распространяться на эту тему, то меня можно обвинить, что я сел на своего конька. Вы заметили, что меня очень интересуют проблемы наследственной патологии? В семье сэра Дерека прослеживается подобный след. Виноват его отец, сэр Блейк О'Каллаган. По моему убеждению, он временами страдал манией суицида. Дело во многом в противоречивом инбридинге. Хотя замечу: мне прекрасно известно, что обычное единодушное осуждение инбридинга следует пересмотреть в свете...

Он успокоился, и следующие десять минут, изрядно воодушевившись, энергично просвещал Аллейна: цитировал собственные статьи и труды авторитетов; бранил всю английскую общественность в лице одного из самых выдающихся полицейских страны за преступное пренебрежение расовыми проблемами. Инспектор молча, с интересом слушал, задавал вопросы. Робертс снимал с полок книги, зачитывал длинные пассажи, а затем бросал томики на коврик у камина. Убеждал Аллейна, что подобным вопросам следует уделять больше внимания, а потом вдруг спросил, выяснял ли инспектор, нет ли и в его родословной порочной наследственности с признаками безумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.